

Д. Райзман, М. Райзман

Евгения Гинзбург и её
«Крутой маршрут»

Д. Райзман, М. Райзман

Евгения Гинзбург и её
«Крутой маршрут»

Архивы памяти

Выпуск 11

Магадан 2002

Издание осуществлено Ягоднинским обществом
«Поиск незаконно репрессированных»
при финансовой поддержке Фонда «ИСАР – Дальний Восток»
в рамках проекта «Архивы памяти»
и Фонда Гражданских свобод

Райзман Д. С.

Р 18 Евгения Гинзбург и ее «Крутой маршрут» / Д. С. Райзман,
М. С. Райзман. - Магадан: ОАО «МАОБТИ», 2002. - 65, [1] с. -
(Архивы памяти; Вып. 11)

ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8

О КНИГЕ И АВТОРАХ

Судьба Е.С. Гинзбург и её «Крутого маршрута» близка магаданским педагогам братьям Давиду Семёновичу и Михаилу Семёновичу Райзманам не только потому, что они, рождённые в Магадане, знали в детстве Евгению Семёновну и её мужа доктора Антона Яковлевича Вальтера, встречались с Евгенией Семеновной как с коллегой их матери – Уди Давидовны Ронис – в школе № 1, но и потому, что историку и журналисту Давиду Райзману и филологу, кандидату наук Михаилу Райзману проблема репрессированных и реабилитированных наших сограждан, прошедших дорогами лагерной Колымы, знакома по их творчеству.

Д. Райзман, автор научно-популярных очерков об истории освоения Северо-Востока России, в том числе в период Второй мировой и Великой Отечественной войн, пишет о колымчанах и магаданцах (в том числе заключённых), вступивших добровольно или по призыву военкомата в ряды Красной Армии и принимавших участие в боевых действиях в 1941-1945 гг., о погибших и пропавших без вести в ходе боёв. Героями его очерков были С. П. Королёв, оказавшийся в качестве заключённого на прииске «Мальдяк», дети лагерной Колымы, Герои Советского Союза – жители Северо-Востока.

М. Райзман, исследуя раннюю прозу А. Солженицына, «Колымские рассказы» В. Шаламова, «лагерные стихи» и «Чёрные камни» А. Жигулина, «Крутой маршрут» Е. Гинзбург и судьбы их авторов, приходит к выводу, что «задержанная» и «возвращённая литература» представляет заметное явление в истории отечественной литературы второй половины XX века.

Их совместная работа по созданию научно-популярного очерка о жизни и Главной книге Е. Гинзбург знакомит читателей с неизвестными архивными материалами, воспоминаниями, иллюстрациями – немymi свидетелями нелёгкой судьбы нашей современницы – Евгении Гинзбург.

Научно-популярный очерк «Евгения Гинзбург и её «Крутой маршрут» будет интересен не только исследователям-литературоведам, но и педагогам, студентам, школьникам, всем, кто неравнодушен к истории и культуре Отечества.

И. Паникаров,

председатель общества
«Поиск незаконно репрессированных»,
п. Ягодное, Магаданская обл.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

Биографическая справка в книге "Магадан. Рекомендательный указатель литературы" (Магадан, 1990), в разделе "Творчество репрессированных литераторов", сообщает: "Гинзбург Евгения Семёновна (1903-1977). Преподаватель истории Казанского университета, журналистка, жена партийного работника П. Аксёнова (также репрессированного). Её "крутой маршрут", полный страданий и унижений, начался в феврале 1937 г. Ей предъявили обвинения в связях с троцкистами, террористической деятельности, подготовке покушения на жизнь "товарища Сталина". 18 лет прошли в тюрьмах и лагерях, большая часть из них - на Колыме, в женском лагере Эльген. Её сын, будущий известный писатель Василий Аксёнов, учился в Магаданской средней школе. Освободившись, Е. Гинзбург несколько лет работала медсестрой в системе Санитарного управления Дальстроя, педагогом-музыкантом в детском саду, затем учительницей в средней школе № 1. После реабилитации жила в Москве, писала... Ещё на Колыме созрела первая часть автобиографической хроники. "Крутой маршрут" был опубликован за рубежом на разных языках мира, во многих странах книга стала бестселлером, в Швеции по ней был поставлен фильм. Через много лет главная книга Е. Гинзбург пришла к советскому читателю публикацией в журнале "Даугава", в Московском театре "Современник" по ней был поставлен спектакль. После поездки за границу Е. Гинзбург успела написать большую часть своих путевых заметок "Колыма - Париж", которые задумывались как продолжение "Крутого маршрута". Похоронена в Риге".¹

Архивные документы, обнаруженные нами в папке с надписью "ГорОНО (городской отдел народного образования. - Д.Р., М.Р.). Личные дела учителей. Дело № 1. Начато: 1950 г., окончено: 1957 г. Хранить постоянно" в ведомственном архиве в Магадане, позволяють уточнить и дополнить сведения, представленные А. Бирюковым, автором биографической справки.

В личном листке по учёту кадров, заполненном рукой Е. С. Гинзбург 18 ноября 1955 г., написаны ответы на вопросы анкеты:

"... год рождения -1904.

Место рождения - Москва

Социальное происхождение:

а) бывшее сословие (занятие) родителей - личный почётный гражданин,

б) основное занятие родителей до Октябрьской революции - служащий (фармацевт)...

Партийный стаж - май 1932 г.

Основная профессия (занятие) - педагог.

Стаж работы по этой профессии - 30 лет.

Образование - высшее... Казанский педагогический институт, словесно-историческое отделение, 1920 - 1924 гг. Аспирантура Казанского государственного университета, 1931 - 1933 гг., институт марксизма-ленинизма в Казани, 1934 - 1936 гг.

Ученая степень (звание) - доцент. Имеет ли научные труды... -Да".

В личном деле Е. Гинзбург, которое хранится в том же архиве г. Магадана, находится "Архивная копия свидетельства", выданная отделом Государственных архивов МВД ТА ССР Центрального Государственного архива г. Казани 25 мая 1953 г., о том, что Евгения Соломоновна Гинзбург, родившаяся 20 декабря 1904 г., окончила курс Восточного Педагогического института г. Казани по исторической секции словесно-исторического отделения.

Таким образом, родилась Е.С. Гинзбург в 1904 г. (если дата указана по старому стилю; а если дата указана по новому стилю, то день её рождения приходится на 2 января 1905 г.); настоящее её отчество - Соломоновна, а не Семёновна, как закрепилось в жизни и книге "Крутой маршрут"; разночтения в названии вуза объясняются переименованием вуза во время её обучения; по образованию и первоначальной работе Гинзбург - педагог: с 15 сентября 1925 г. по 3 января 1930 г. она ассистент и старший ассистент по кафедре методики истории (так свидетельствует копия второй архивной справки, выданной тем же архивным учреждением); с сентября 1924 г. по сентябрь 1932 г. - преподаватель опытно-показательной школы при Казанском Педагогическом институте (это подтверждают свидетельские показания её бывших коллег профессора Медянцева Н.И. и доцента Бушмакина М.Д.).

В 1955 г. она считает свой педагогический стаж с 1925 г., то есть определяет его в 30 лет, включая в него и годы пребывания в тюрьмах и лагере. (Уточним: годы пребывания в тюрьмах, лагерях и ссылке включены в трудовой (здесь: педагогический) стаж по официальному решению, действительному для реабилитированных политзаключённых). Добавим к этому, что с февраля 1947 г., то есть сразу после освобождения из лагеря, она работала воспитателем, музыкальным работником в детских учреждениях (сведения приводятся по копии трудовой книжки, которая хранится в том же личном деле). В этом качестве она работала с 17 февраля 1947 г. по 28 июля 1947 г., с 28 июля 1947 г. по 26 ноября 1949 г., с 26 ноября 1949 г. по 5 марта 1951 г.

Судя по записям в трудовой книжке, ее переводили с должности на должность. Затем последовал перерыв, вызванный увольнением, о причинах которого и мытарствах в связи с этим рассказано в "Крутом маршруте".

110090

Трудовая книжка

205

Фамилия - Танзбург
Имя - Евгений
Отчество - Соломонович
Год рождения - 1904
Образование - высшее
Профессия - педагог

Подпись владетеля трудовой книжки

Пилигр

Дата зачисления в трудовую книжку - 8 мая 1950.

Сведения о работе.

Выбран в район по найму до истечения
в Дальстрой МВД. Стр. 16 и 3-й класс

Кл. гр. кадров (Тадушкин) со спец.

Главное управление спецразведки на
Дальнем Севере МВД СССР.

1. 1947. II - 17. Принята в Спецразвед. Управление
на должность вестимаршей делопро-
каза ЛПДК - ЛРК и ЛРК ДУ
2. 1947. VII - 28. Переведена на должность
вспомогательной вестимаршей делопро-
исполнитель - ЛРК-42/1
указом от 28/VI 47.
3. 1949. XI - 26. Переведена на должность ЛР-109
музыкального районного делопро-
исполнитель от 26/VI 49.
4. 1951. III - 5. Уволен с артомобильным
в район от. найма в уезд. Дальстрой ЛР-404
Кл. гр. кадров (Артемьев) от 05/III 51.
5. 1952. VI - 13. Принята в Спецразвед. Управ. - ЛР-99
лишь на должность музыкального от 13/VI 52
районного от. делопро. исполнителя (на 13/VI 52)

6. 1953. - II. 16. Уволен по ст. 94. А. КЗОН - из МЛДУ

Народный инт. кадр (Сам. Гур. (Подушкин))

Сведения о поведении и квалификации

1. 1949. - IX - 17. За хорошую работу введена
благодарность - № 131 от
17/12/49

2. 1947. 7 - 1 - За образцовую работу и
любавое отношение к делу в период
судоводительской комиссии.
Народный инт. кадр Сам. Гур. (Подушкин).
Удостоверение (Подушкин).

Копия трудовой книжки Е. Гинзбург

Вновь удалось устроиться на работу музыкальным работником в детских учреждениях 13 июня 1952 г. и проработать до 16 февраля 1953 г. Затем последовал ещё один перерыв, продолжавшийся около полугода и вызванный увольнением, о причинах которого мы также узнаём из её хроники (она читала и комментировала дома (!) сказку К. Чуковского "Тараканище", кто-то усмотрел в "усатом" герое намёк на "Самого"). Наконец мы видим её учительницей русского языка и литературы средней школы № 1 (вечерней, затем дневной и с 1954 г. - заочной) с августа 1953 г. до 5 июня 1957 г.

Таким образом, нельзя игнорировать её образование и большой педагогический стаж, а вместе с этим значительную часть "Крутого маршрута", посвящённую её коллегам по школе, её ученикам. Возвращаясь к её работе до ареста в Казани, отметим, что в сентябре 1930 г. Гинзбург занимает должность и. о. доцента при кафедре истории ВКП(б) при заводе им. Вахитова, с сентября 1933 г. в течение двух лет она доцент на кафедре истории ВКП(б) и ленинизма Казанского государственного университета, а с февраля 1935 г. по февраль 1937 г. руководит русской секцией Союза советских писателей Татарии и Казани, руководит отделом культуры в областной газете "Красная Татария" (с начала 30-х гг.).

Тема её научного исследования - история Татарии начала XX в.; правда, диссертацию закончить и стать кандидатом исторических наук, получить звание доцента она не успела из-за ареста.

Судя по копии свидетельства об окончании вуза и дате её рождения, Е.С. Гинзбург поступила в институт в неполных 16 лет и окончила его в неполных 20 лет.

Видимо, столь раннее поступление и успешная учеба в институте, ставшем позднее университетом, объясняется хорошим домашним образованием: воспитанная в интеллигентной семье, Е. Гинзбург умела хорошо играть на фортепьяно, что пригодилось ей позднее, в годы ссылки в Магадане, любила стихи, знала иностранные языки (по-французски говорила свободно, по-немецки с ошибками, но достаточно, чтобы понимать собеседника, по-татарски с трудом).

В начале 30-х гг. Е. Гинзбург выходит замуж за Павла Васильевича Аксёнова, у обоих к тому времени уже был брак, развод, по ребёнку. В 1932 г. появляется их общий сын Вася. В 1935 г. Павел Васильевич Аксёнов - член бюро ОК ВКП(б) Татарии, председатель Казанского горисполкома, в партии он с 1918 г. С их семьёй дружит первый секретарь обкома партии М.О. Разумов. Е. Гинзбург как своя принята в среду партийных, государственных чиновников, творческой интеллигенции.

В 1937 г. тучи сгущаются не только над ней, но и над её мужем, друзьями и знакомыми. В июне 1937 г., спустя 4 месяца после её ареста, Аксёнов исключен из партии, в июле того же года он арестован и осуждён на 15 лет лагерей, получив "довесок" в 5 лет поражения в правах. В том же году арестован и расстрелян М. Разумов, в тюрьме Гинзбург увидела жён многих видных деятелей Татарии.

Павел Аксёнов отказался (дважды) от своих показаний, как отказались на суде и его товарищи, был приговорён к расстрелу с конфискацией имущества (кстати, небогатого) за то, что он был якобы участником контрреволюционной троцкистской организации, связан с "троцкистом" Разумовым, "троцкисткой" женой. "Красная Татария" объявила об исполнении приговора, об этом стало известно Гинзбург, которая к тому времени находилась в тюрьме в Казани, однако Аксёнов остался жив (высшую меру заменили 15 годами лагерей).

В архиве УВД СССР по Магаданской области хранится ещё один любопытный документ, проливающий свет на некоторые обстоятельства, связанные с жизнью Е. Гинзбург и её сына Василия. Вася приехал к матери в Магадан в октябре 1948 г. (после долгих хлопот матери о разрешении ей увидеть сына; ей самой, ссыльной, запрещено было выезжать за пределы области; до тех пор Васю воспитывали родственники в Ленинграде: они с трудом нашли мальчика в одном из детских домов через год после ареста Гинзбург; старшего сына Евгения Семеновна потеряла: он умер во время блокады в Ленинграде). Затем Василий учился в 9 и 10 классах средней школы № 1, где работала его мать. По окончании школы ему выдали льготную справку для поступления в вуз, которой он, видимо, и воспользовался, поступая в Казанский университет.

Однако справка, которую, кстати, выдавали всем детям сотрудни-

ков Дальстроя, понадобилась ещё раз, спустя 3 года. Выступая по Центральному телевидению 26 августа 1992 г., В. Аксёнов вспоминал, что в 1953 г. на него завели дело в Казанском университете, а с 3 курса выгнали. Он добавил, что детей заключённых начиная с 12-летнего возраста готовили к лагерям и ссылкам. Вот тут и понадобилась справка, уравнивающая его в правах со всеми детьми колымчан. Вот её текст:

"Мы, нижеподписавшиеся, ХОТЯЕВА Вера Яковлевна - быв[ший] директор Магаданской средней школы, ТКАЧЕНКО Надежда Александровна, быв[ший] секретарь Магаданской средней школы, БУХИН Абрам Михайлович, преподаватель Магаданской средней школы, ПОДТВЕРЖДАЕМ, что окончивший в 1950 г. Магаданскую среднюю школу АКСЁНОВ Василий Павлович, 1932 г. рожд., сын учительницы Магаданской средней школы рабочей молодёжи (так называлась вечерняя школа. - Д.Р., М.Р.) Е.С. Гинзбург, получил после окончания школы от отдела кадров Дальстроя льготную справку для поступления в вуз.

Эта справка была ему выдана 29 июня 1950 г. (№ справки - 697) через школу так же, как и всем остальным детям специалистов - работников Дальстроя, окончившим школу в 1950 г.

Основанием для выдачи этих справок являлось постановление Сов[ета] Мин[истров] СССР за № 2777 от 1 октября 1945 г.

Хотяева, Ткаченко, Бухин.

Подписи Хотяевой, Ткаченко, Бухина заверяю,
Директор школы № 1 Ронис".

Спустя много лет, в 1957 г., Гинзбург и Аксёнов встретились, к тому времени она была уже замужем за Антоном Яковлевичем Вальтером, гомеопатом, отбывавшим третий срок в одном из колымских лагерей и впоследствии реабилитированным. Аксёнов был ей неинтересен. "Но он по-прежнему любил её" ², - пишет К. Смирнов в очерке "Жертвоприношение". Автор очерка беседовал с П.В. Аксёновым в 1991 г. Аксёнову было около 90 лет. "Я был чист перед партией и людьми", - сказал мне Павел Васильевич. "Я не понимала, что значит "разоружиться ...я никогда против партии не вооружалась", - отвечала ему Гинзбург" ³.

Он гордился своей чистотой и невиновностью, не желая понимать и принимать, что им пожертвовали, словно пешкой, как, впрочем, и тысячами его единомышленников, в сложной политической борьбе. Но и она осталась преданна ленинским идеалам, партии, государству, которые в ней не нуждались, а с лёгкостью выбросили их обоих из жизни, а с ними вместе их товарищей.

Подводя итоги изучения архивных документов, проливающих свет на биографию Е. Гинзбург, можно сделать вывод, что, судя по её происхождению, образованию, воспитанию, она принадлежала к среде интеллигентов; судя по семейному положению, кругу друзей и знакомых,

СИГЛЕТКА.

36

Им, нижеподписавшимся:

ХОТЯЕВА Вера Яковлевна - быв. директор Магаданской средней школы,
ТКАЧЕНКО Надежда Александровна - быв. секретарь Магаданской средней
школы,

БУХИИ Абрам Михайлович - преподаватель Магаданской средней школы

ПОДТВЕРЖДАЕМ,

что окончивший в 1950 году Магаданскую среднюю школу АКСЕНОВ Василий Павлович, 1932 г. рожд., сын учительницы Магаданской средней школы рабочей молодежи Е.С. ГИЗБУРГ, получил после окончания школы от отца в/д-ров Дольстроа льготную справку для поступления в ВУЗ.

Эта справка была ему выдана 29-го Явня 1950 г./№ справки-697/ через школу, так же, как и всем остальным детям специалистов-работников Дольстроа, окончившим школу в 1950 г.

Основанием для выдачи этих справок являлось постановление Сов. Мин. СССР за №2777 от 1-го октября 1945 года.

/дольстроа/

/Ткаченко/

/Бухии/

Хотяева
Александровна
Бухии

Подписи Софьевой, Ткаченко, Бухии

Директор школы №

Рез. /Резис/

Этот документ помог В. П. Аксенову поступить в Ленинграде в медицинский институт

месту в обществе, занимаемым должностям, она вращалась в кругу высшей (хотя и местной, в Татарии и Казани) партийной и советской номенклатуры; прошла все этапы марксистско-ленинского образования, к середине 30-х гг. стала квалифицированным специалистом-гуманитарием, идеологическим работником, матерью троих детей, женщиной, достаточно подготовленной для того, чтобы понимать, что происходит в её государстве; более того, призванной её профессией, служебными обязанностями объяснять другим задачи общества и государства на том или ином этапе их развития и задачи отдельных граждан.

Переадресуя слова Шаламова об одном из его героев, можно сказать:

"37 год вдребезги разбил её судьбу"⁴: разрушил семью, разлучил с детьми, разбил мечту сделать научную карьеру, почти на двадцать лет

вырвал из общества, в котором она привыкла чувствовать себя не только свободной и равной другим, но находиться в центре внимания. Что же она поняла в результате своих "странствий по мукам"? Какой опыт вынесла? К каким выводам пришла? Изменилась ли за время своего "крутого маршрута"? Как отнеслась к общественным переменам 50-60-х годов? Ответить на эти вопросы - значит выяснить особенности авторской позиции в "Крутом маршруте".

В июле 1955 г. Военной Коллегией Верховного Суда СССР Е.С. Гинзбург была реабилитирована.

Примечания

1. *Бирюков А.* Творчество репрессированных литераторов: Рекомендательный указатель литературы. Магадан, 1990, с. 229-230.
2. *Смирнов К.* Жертвоприношение // Огонёк, 1991, № 2, с. 18.
3. Там же, с. 18-19.
4. *Шаламов В.* Прокуратор Иудей // *Шаламов В.* Колымские рассказы: Кн. 1. - М.: Русская книга (Советская Россия), 1992, с. 174.

Личный листок по учету руководящих кадров

210

1. Фамилия Тимозурт
 имя Авзоний отчество Саманович
 2. Пол М. 3. Год рождения 1904. Место рождения:
 а) по существовавшему адм. делению г. Москва
 б) по существующему адм. делению _____

5. Национальность украинка 6. Соц. происхождение:
 а) бывшее сословие (звание) родителей инж. колхоз. з-н
 б) основное занятие родителей до Октябрьской революции случежничий (фармацевт) после Октябрьской революции наладчик

7. Основная профессия (занятие) наладчик
 став работы по этой профессии 30 лет 8. Соц. положение случеж. 9. Партийность чл. РКП(б)
 10. Какой организацией принят в члены КПСС Варшавской. РК г. Казани
 11. Партаж № 183 партбилета 04839239 или карточкой _____
 12. Стаж пребывания в ВЛКСМ с _____ по _____ 13. Состоял ли в других партиях (каких, где, с какого и по какое время) нет
 14. Состоял ли ранее в КПСС нет с какого и по какое время _____ и причины исключения или выбытия _____

15. Участвовал ли в антипартийных группировках (каких, когда) и имел ли колебания в проведении линии партии нет
 16. Членом какого профсоюза состоит и с какого года РКП(б) с 1922 г. Союз проф. с 1952 г.
 17. Образование высшее
 (Высшее, высшее специальное, высшее, среднее, специальное (среднее, высшее))

Одновременно в нескольких учебных заведениях	Название учебного заведения (вуза, техникума, комвуза, школы и проч.) и местонахождение	Название факультета или отделения	Дата (м. г.)		Средний балл	Если не закончил, курс закончил	Какие (какие) специальности изучены в результате освоения учебного заведения
			вступил	закончил			
	<u>Каз. Педагогич. Ин-т</u>	<u>словесно-педагогич.</u>	<u>1930</u>	<u>1934</u>	<u>д.</u>		<u>русский язык, литература, история, философия, психология, методика преподавания</u>
	<u>Институт инженеров связи</u>		<u>1934</u>	<u>1936</u>			<u>радиотехника, физика, математика</u>
	<u>Ин-т связи в Ленинграде</u>		<u>1936</u>	<u>1936</u>			

18. Учебная степень (звание) доктор 19. Имеет ли научные труды и изобретения да (перечень научных трудов и изобретений с указанием, по каким вопросам и где опубликованы, необходимо дать в приложении)
 20. Был ли за границей (включая службу в Красной Армии) нет

Число мес. года	с какого времени	по какому времени	В какой стране (границы указать)	Цель пребывания за границей

* Для членов и кандидатов в члены КПСС в момент вступления в партию, для беспартийных к началу работы в государственном аппарате

21. Выполняемая работа с начала трудовой деятельности (включая военную службу)

(При выполнении данной работы в различных учреждениях, организациях и предприятиях необходимо указать так, как они назывались в свое время, а в настоящее время указывать по существующим в то время административным делениям)

Число, м-ц и год		Должность с указанием учреждения, организации, предприятия, а также Министерства (ведомства), в систему которого она входит	Местонахождение учреждения, организации, предприятия
Вступил	Ушел		
Сент. 1925	Зал 1930	Ассистент и сф. ассистент по кафедре истории истории Каз. Теолог. Ин-та и пре- подав. Вятской школы Каз Ин-та.	Казань
Сент. 1930	Апр. 1933	в.о. доцент по кафедре истории ВятП(И) 1933 при заводе им. Ва- хитова	
Сент. 1933	Сент. 1935	Доцент по кафедре истории ВятП(И) и Ленинскому # Каз. Гос. Университета	Казань
Февр. 1935	Февр. 1937	Руководитель русской секции Союз. Сов. Инст- тута Талантов	
Февр. 1937	авг. 1953	Эти годы занят в педагогическом кругу	
Затм 1953		Преподаватель литературы и русского яз. ИРПИ М	

22. Работа по совместительству (в момент заполнения личного листа)

32. Отношение к воинской обязанности: Состоит ли в рядах вооруженных сил СССР, в запасе, в отставке, воинское звание нет

Состав (командный, политический, технический, административный) Род войск _____
Наименование и адрес РВК или военно-учетового стола, где состоит на учете _____

Предоставлена ли отсрочка от призыва _____, если предоставлена, до какого времени _____ (дл. лет) (м.ч. год)

33. Какое имеет звание _____ (последнее звание, дипломатический ранг, классный чин)

34. Состояние здоровья _____ улучшенное (имеет ли ранения, контузии, травмы и когда получена)

35. Каким имеют ордена и медали Союза ССР

Когда награжден (число, м.ч., год)	За что награжден	Чем награжден
	<u>нет</u>	

36. Привлекался ли к судебной ответственности [кем, когда, за что] и решение суда _____

нет

37. Имел ли партизанский _____ (дл. лет)

Дата (м.ч. год)	Кем названо партизанским	За что (суть дела)	Какое название партизанские

38. Семейное положение в момент заполнения личного листка женат Валентин А. С.
сын Алексея Валентиновича (33), дочь Александра Григорьевича (М.ч.)
(перечислить состав семьи)

39. Домашний адрес: Мстара, ул. Калинина, д. 17, кв. 4
тел. 22-71

16. июля 1955 г.
(дата заполнения)

Личная подпись Г. Билури
(качать разборчиво)

К личному листку должна быть приложена собственноручно написанная автобиография. 2016

"КРУТОЙ МАРШРУТ"

Творческая история "Крутого маршрута": хроники времён культа личности"

Творческая история "Крутого маршрута" достаточно подробно изложена в книге. Напомним лишь основные её вехи.

Сбор материала начался с первого дня ареста Гинзбург - с 15 февраля 1937 г. Естественно, сведения собирались нерегулярно, по памяти, в результате, как правило, случайных встреч в тюрьмах, на этапе, в лагере, в ссылке, частично после реабилитации.

Впервые о замысле книги Гинзбург рассказала сыну Васе в первую ночь его приезда в Магадан с 9 на 10 октября 1948 г.". Он был первым слушателем" (566).¹

"Последовательно писать главу за главой я начала ещё в 1959 году, в Закарпатье ... на даче ... Первые главы я ещё успела прочесть Антону ... После его смерти - 27 декабря 1959 г. - я писала порывами. То забрасывала на долгие месяцы, то иступлённо работала чуть ли не целыми ночами ... К 1962 году я стала автором объёмистой рукописи примерно в 400 машинописных страниц" (707).

Первый вариант рукописи, откровенный, не рассчитанный на публикацию, эмоциональный, размахнувшийся на "общефилософское раскрытие темы", сопровождался эпиграфом из Блока: "Двадцатый век. Ещё бездомней, ещё страшнее жизни мгла ..."

После XXII съезда КПСС появилась надежда на публикацию. Началась правка первого варианта книги, вымарывание дорогих мест, ра-

¹ Здесь и далее в круглых скобках после цитат указаны номера страниц по изданию: Гинзбург Е. Крутой маршрут: хроника времен культа личности. Магаданское книжное издательство, 1992; в фигурных скобках указаны номера источников.

Как выяснилось позднее, сообщает С. Сивоконь в очерке "Скромная знаменитость" {1}, "Крутой маршрут" был вывезен за границу одним ловким итальянским издателем. По этому поводу Гинзбург объяснялась в КГБ, заявив, что она к тому непричастна. Незаконный вывоз книги вызвал успешный выпуск мемуаров за границей, множество опечаток, смешанное чувство гордости, радости при виде опубликованной работы и творческой неудовлетворённости у автора, беспокойство и тревогу в связи с объяснениями в КГБ.

бота "внутреннего редактора": Гинзбург понимала, что не всё может быть напечатано. "Теперь я работала по многу часов, не ленилась сидеть за машинкой ... Старую папку сожгла..." (708). Однако пятилетнее "плавание" "Крутого маршрута" по "толстым" журналам - "Юности" и "Новому миру" - завершилось отказом в публикации.

Тем временем машинопись распространялась с фантастической скоростью, с неё снимались копии. Пошли письма от читателей и писателей из разных городов. Контроль за книгой был утрачен. "Пошедший в народ" вариант представлял собой первую и начало второй части книги, а Гинзбург продолжала писать. "...если в первой части, во вступлении к ней, ещё видна рука внутреннего редактора, то в дальнейшем тексте уже никакие посторонние соображения не отягощали меня" (709-710).

"Вдруг я увидела свою книгу (по крайней мере первую её часть и кусок второй) напечатанной в Италии ... А потом и в Париже, и в Лондоне, и в Мюнхене, и в Нью-Йорке, и в Стокгольме, и во многих других местах" (711).

Первые публикации

Свою "хронику" Гинзбург сумела закончить, но изданий в СССР не дождалась. Впервые главы из книги появились в журнале "Даугава" в 1988 г. (№№ 7 - 12) и в 1989 г. (№№ 1 - 2, 6), затем отдельным изданием:

Гинзбург Е. Крутой маршрут. В 2 т. / Вст. статья А. Аксеновой; Послесловие Л. Копелева, Р. Орловой. Рига: Издательство ЦК КП Латвии "Курсив". Творческая фотостудия журналистов ЛССР. 1989.

Отдельные главы и фрагменты книги печатались в альманахе "На Севере Дальнем" (1990, № 2, с. 154 - 239), "В мире книг" (1988, № 12, с. 10 - 15), журнале "Спутник" (1990, № 9, с. 126 - 143).

В 1990 г. книга вышла отдельным изданием в издательстве "Советский писатель", в 1992 г. - в Магадане.

Идейный замысел. Основные проблемы

В основу первоначального замысла была положена идея рассказать правду об одной из самых страшных эпох в истории нашего народа на примере собственной судьбы и судьбы её товарищей, знакомых и незнакомых людей, встреченных в тюрьмах, лагере и ссылке. Следы этого замысла сохранились в первом варианте названия - "Под сенью Люцифера", в подзаголовке - "хроника времён культа личности", наконец, в названии книги - "Крутой маршрут". В конце концов автор отказался от обязывающего эпиграфа из Блока, диктующего общепhilософское осмысление темы.

К середине 60-х гг. появилось уже достаточно много воспоминаний (большая часть которых, правда, не публиковалась) о трудных годах. Поэтому Гинзбург не ставила главной задачей "изложить фактическую историю" пребывания в лагере и ссылке, хотя, разумеется, эта задача сохранилась среди других. Своей основной целью Гинзбург считала "раскрыть внутреннюю душевную эволюцию героини, путь возвращения наивной коммунистической идеалистки в человека, основательно вкусившего от древа познания добра и зла, к которому через всё новые и новые утраты и мучения приходили и новые озарения (пусть минутные!) в поисках правды. И этот внутренний "крутой маршрут" мне важнее донести до читателя, чем простую летопись страданий" (711-712).

Отметим, что конечный пункт "крутого маршрута" сформулирован отвлечённо, так что не вполне ясно, к каким же выводам относительно многих проблем, затронутых в книге, пришла Гинзбург. Возможно, это объясняется тем, что ни ей, ни кому бы то ни было в середине 60-х годов время не давало готовых ответов; путь её не был завершён; процесс поисков был важнее их результата...

Очень важно её признание в финале книги: "Я писала только правду ... Не ВСЮ правду. (Вся, наверно, и мне была неизвестна), но ТОЛЬКО ПРАВДУ.

Да, чтобы написать ВСЮ правду, у меня не хватило ни информированности, ни умения, ни глубины понимания ...", но сил всё же хватило "не подчинять ... изложение софизмам ... спекулятивным концепциям" (709).

В книге Е. Гинзбург несколько планов, несколько тем. На переднем плане - фактическая история пребывания героини в заключении, она дополняется повествованием о судьбах десятков и даже сотен персонажей, оказавшихся в подобных обстоятельствах. На втором плане повествование приобретает иной, не менее важный характер: внимание к бытовой стороне тюремно-лагерно-ссылочной жизни уступает место изображению и анализу душевной эволюции героини.

"Крутой маршрут" - многопроблемная книга. Главные вопросы, которые обсуждала в связи с приездом Васьки (Василия Аксёнова. - Д.Р., М.Р.) магаданская колония бывших заключённых, были следующие: "Как мы сюда попали? Есть ли хоть крупица правды в предъявленных нам чудовищных обвинениях? Кто виноват в творимых жестокостях и несправедливостях?... говорить ли ему правду? Всю ли правду?" (566).

"Странно, но многие склонялись к тому", чтобы "не вносить в молодую душу неразрешимые сомнения ... Даже Юля ... Антон доказывал горячо и страстно, что на лжи ... настоящих отношений не выстроишь. Я ... сомнений не было ... На первый же его вопрос "За что?" я ответила:

"Не "за что?", а "почему?". И дальше с полной искренностью и правдивостью рассказала ... через что прошла и что поняла ... Поняла я тогда, к сорок восьмому году, ещё далеко не всё. Однако многое" (566).

Среди других вопросов, которые должны были для себя решить Гинзбург и её товарищи, были вопросы о том, как относиться к "овель-моживанию" (термин Е. Гинзбург. - *Д.Р., М.Р.*) видных партийных деятелей, к возвеличиванию Сталина на их глазах; к репрессиям 30-х годов; к коллективизации, голоду в деревне начала 30-х гг.

В начале 30-х гг. она считала нормальным, хотя и относилась с долей иронии к тому, что у партийно-советской номенклатуры появлялись дома отдыха, личные дачи, отдельные коттеджи, в то время как в большинстве мест, как нам теперь известно, шла насильственная коллективизация, сопровождаемая выселением крестьянства, конфискацией имущества, принимал грандиозные масштабы голод на Украине.

Гинзбург, как и её окружение, как и многие из тех, кто непосредственно не соприкасался с судьбой крестьян, одобряла курс партии на коллективизацию. Может быть, она не знала о негативных последствиях этого процесса, о судебных процессах конца 20-х - первой половины 30-х гг.? Но ведь об этом буквально кричали заголовки статей в центральной и местной печати. Уровень информированности её окружения (её давний знакомый, друг её мужа М.О. Разумов - первый секретарь обкома ВКП(б) Татарии; муж, Павел Васильевич, - член бюро обкома ВКП(б) Татарии, член ЦИК СССР, председатель Казанского горисполкома) был гораздо выше, чем у рядового советского человека.

Дело не в том, что Гинзбург и её окружение многого не знали, - не хотели знать и видеть, борьбу за единство и чистоту партийных рядов считали своим святым долгом, очищение общества и партии от "враждебных элементов" - требованием конкретной социально-политической обстановки.

Конечно, среди этих людей были и такие, кто сознательно закрывал глаза на всё, что происходило вокруг, но вряд ли к ним относилась Гинзбург. Она была искренне убеждена в правильности политики партии. Никаких сомнений, угрызений совести она не испытывает. Многозначительно это молчание. Оно многое объясняет.

Становится - сегодня особенно - понятно негодование А. Твардовского, познакомившегося с рукописью "Крутого маршрута" в первой половине 60-х гг.: "Она (Гинзбург. - *Д.Р., М.Р.*) заметила, что не всё в порядке только, когда стали сажать коммунистов. А когда истребляли русское крестьянство, она считала это естественным" (710).

Сгущающиеся над нею, над её друзьями, коллегами, знакомыми в 1935 - 1936 гг. тучи она объясняла, как и большинство её современников, нелепостью, ошибкой, которую можно и нужно кому-то объяснить.

С этой проблемой ("как мы попали сюда?") тесно связана другая: "кто виноват?". "Наивно-монархическая мысль о добром вожде, не знающем о злоупотреблениях своих чиновников, уже тогда, на ранних этапах моего кругого маршрута, не находила во мне никакого отклика" (в июне 1936 г. - *Д.Р., М.Р.*) (26).

Внешне жизнь её протекала более чем благополучно: в Москве её встречали и провожали машины Татарского представительства, жила она в комфортабельном номере столичной гостиницы "Москва", вблизи видела Сталина, отдыхала перед Новым (1937-м) годом "в Доме отдыха ЦИК СССР Астафьево, около Подольска" (32), в Казани с её детьми находилась няня ... Но внутренне она настолько остро переживала беспокойство, тревогу, страх за свою судьбу, за судьбу семьи, детей, что не раз уже в 1935 г. у неё возникали мысли о самоубийстве.

Мысленно перебирая причины возможного близкого ареста, она отбрасывает предположение мужа, что в отношении её допускается "персональная ошибка" (32). Теперь, в начале 1937 г., она убеждена в честности многих арестованных "врагов народа". Перед арестом она согласна с мужем, произносящим "гневные слова по адресу ... По очень высоким адресам" (40).

В тюрьме уже в 1937 г. "впервые передо мной встала задача самостоятельного анализа обстановки и выбора линии поведения ... кто они, эти люди, держащие меня здесь? Переодетые фашисты? Или жертвы какого-то неслыханного обмана, какой-то чудовищной провокации? И как должен вести себя коммунист в "своей" тюрьме?.." (60).

Отметим это, казалось бы, случайное совпадение, между прочим сказанное, но вместе с тем искреннее, откровенное и очень характерное для эпохи признание: "впервые ... встала задача самостоятельного анализа обстановки и выбора линии поведения" (60). Ведь такая задача встала перед зрелым человеком, женщиной 33 лет, с высшим образованием, редким для тех времён, доцентом идеологической кафедры, матерью троих детей, педагогом и журналистом. До возникновения критической ситуации она в общественной жизни своего мнения практически не имела.

Не могла она согласиться с предложением бежать, скрыться, переждать это страшное время где-нибудь в глуши, как это сделали некоторые из знакомых коммунистов: "Что же я, коммунистка, от партии прятаться буду?" (22).

Гарей Сагидулин, коммунист с 1917 г., арестованный ещё в 1933 г. по обвинению в буржуазном национализме (его камера находилась по соседству с камерой Гинзбург), во всём обвинял Сталина, считал, что именно он организовал "физическое истребление лучших людей партии, мешающих или могущих помешать окончательному установлению его

тирании" (60). Он предлагал: "Говори прямо о несогласии с линией Сталина, называй как можно больше фамилий таких несогласных. Всю партию не арестуют ... возникнет мысль о созыве чрезвычайного партийного съезда ... Может быть, такая линия будет губительна для нас лично, но это единственный путь к спасению партии".

Нет, так поступать я не могла. Хотя я и чувствовала смутно, ещё не зная этого точно, что вдохновителем всего происходящего в нашей партии кошмара является именно Сталин, но заявить о несогласии с линией я не могла. Это было бы ложью. Ведь я так горячо и искренне поддерживала и индустриализацию, и коллективизацию сельского хозяйства. А это и была ведь основа линии.

Тем более нечестно было бы называть чьи-то имена, зная, что одного упоминания имени какого-либо коммуниста в этих стенах вполне достаточно для его гибели, для сиротства его детей.

...Уж если догматические навыки, привитые мне всем воспитанием, пустили в моём сознании такие глубокие корни, что я не могу сейчас дать самостоятельного анализа положения в стране и партии, то я буду руководствоваться просто голосом совести. А значит - говорить только правду о себе, не подписывать никаких провокационных выдумок ни о себе, ни о других, не называть ничьих имён. Не верить никаким софизмам, оправдывающим ложь и братоубийство. Они не могут быть нужны партии..." (61).

"Я далека от мысли объяснять отказ от подписывания лживых провокационных протоколов каким-либо особым мужеством. Я не осуждаю тех товарищей, кто под воздействием невыносимых мук подписывал всё, что от них требовали.

Мне просто повезло: моё следствие закончилось ещё до начала широкого применения "особых методов" ...Я получила те же 10 лет ...Но у меня осталось великое преимущество - чистая совесть, сознание, что по моей вине или по моему малодушию ни один человек не попал в "сеть Люцифера" (72).

Среди многих встреч в казанской тюрьме Гинзбург выделяет как одну из примечательных встречу с эсеркой Надеждой Дерковской. Вместе с мужем-эсером она сидела "с небольшим перерывом с 1907 г. Февраль 1917 г. освободил семью ... Но уже в 1921 они снова были в ссылке" (88). Вместе с родителями в ссылке находился их малолетний сын. "Отец Вовы умер в Соловках" (88). Странствуя из тюрьмы в тюрьму, Дерковская, арестованная чуть ли не в десятый раз, оказалась в казанской тюрьме на Чёрном озере. "Никакой позитивной программы" ни у неё, ни у её единомышленников не было, остались лишь негативные взгляды "по отношению к нашему строю" (89) и "старые связи, укрепившиеся в бесконечных ссылках и тюрьмах... принявшие почти кастовый характер" (89).

Верная своим политическим убеждениям, она свою нетерпимость, нежелание поддерживать какие-либо отношения с политическими противниками переносила и на бытовые отношения. Заядлая курильщица, она отказалась принять папиросы от коммунистки Гинзбург, хотя сделать это ей оказалось трудно.

А Гинзбург лежит ночью с открытыми глазами, и в голову ей приходят совсем еретические мысли о том, как "условна грань между высокой принципиальностью и узколобой нетерпимостью ... как относительны все человеческие системы взглядов и ... абсолютны страшные муки, на которые люди обрекают друг друга" (90).

Таким образом, наедине с собой ещё раз взвешивается цена собственной позиции. Гинзбург приходит к выводу, что не может отказаться от принятых норм общественной морали, как ни соблазнительны софизмы об условности этих норм, как ни тяжело им следовать. Может быть, впервые здесь возникает мысль (еретическая!) об условности партийных норм и принципов, но мысль эта отброшена.

Сложность положения Гинзбург (впрочем, и Дерковской, и других) заключается в том, что героиня решает для себя руководствоваться и "голосом совести", то есть морально-этическими принципами человеческого общежития, и в то же время нормами партийной морали, которые, как мы видели, далеко не всегда совпадают.

Нормы партийной морали ещё остаются критерием для неё в это время, хотя сомнения посеяны; понять происходящее становится невозможно:

"Смысл? Дорого дала я бы тогда, чтобы понять смысл всего происходящего" (100). Вот почему Гинзбург, с одной стороны, иронизирует над недавним прошлым "первой дамы Татарии" Зинаиды Михайловны Абрамовой, жены председателя СНК Татарии, оказавшейся с ней в одной камере, а с другой стороны, сочувствует ей, сорокалетней женщине, матери двоих детей, избитой на допросе, сбитой с толку не очень-то грамотной татарской крестьянке, волей обстоятельств взлетевшей на немислимую для себя высоту и опустившейся на самое "дно" жизни. Но объяснить, почему возникает это противоречие, для неё оказывается невозможным.

Проблема соотношения принципов общечеловеческой морали и норм партийной морали была актуальна и в 60-е годы, когда создавался "Крутой маршрут", и позднее. В книге эта проблема остаётся нерешённой, но дорогого стоит рождение сомнений в абсолютной непогрешимости принципа партийности в самых разных областях жизни - принципа, которому Гинзбург подчинила свою жизнь без остатка и колебаний.

В конце апреля 1940 г. на лесоповале, в 7 километрах от Эльгена,

Гинзбург увидела "примеры душевной стойкости, которые преподали нам полуграмотные воронежские религиозницы" (320). Они отказались работать в первый день пасхи.

"- Мы вам, гражданин начальник, эту норму втрое отработаем, только уважьте..."

- Никаких религиозных праздников мы не признаём, а агитацию мне тут не ведите! С разводом в лес!"

Из барака их выгоняли прикладами. Но в лесу "они аккуратно поставили в кучу свои пилы и топоры ... и стали петь молитвы ...

Тогда конвоиры ... приказали им разуться и встать босыми ногами ... в холодную воду, выступившую на поверхность лесного озера, ещё скованного льдом ..." (320-321). (Магаданцы и колымчане знают, что в конце апреля на Колыме до весны ещё далеко. - *Д.Р., М.Р.*).

Ночью "шёл спор между нашими. Как расценить поведение воронежских? Фанатизм или настоящая человеческая стойкость в отстаивании свободы своей совести? Называть их безумными или восхищаться ими? И самое главное, волнующее: смогли бы мы так?.." (321).

Книга, а точнее, жизнь даёт разные ответы на последний вопрос. Судьба автора и множества её товарищей по несчастью говорит о том, что люди выдержали страшное испытание в борьбе за право считать себя человеком, за восстановление справедливости, утверждение человеческих норм общежития, которые они отождествляли с ленинской, коммунистической правдой.

Но в том же "Крутом маршруте" есть немало примеров и того, как люди ломались, смиряясь, приспособляясь к обстоятельствам.

Что касается ответов на первые вопросы, то приведённый выше эпизод с верующими крестьянками, безусловно, трагический по своему содержанию, в то же время интересен ещё и тем, что автор пытается оценить, находясь на одном из этапов своего "крутого маршрута", их поведение. Оценивает поведение "религиозниц" коммунистка 30-х годов, которой убеждения верующих крестьянок чужды и которая должна вроде бы с высоты своих взглядов объяснять действия малограмотных женщин их фанатизмом. Но мужество и стойкость женщин не может не вызывать уважения, сочувствия и восхищения у человека, пусть и не разделяющего позиции сторонниц религиозных догм. Как же относиться к ним? Ответа в книге нет, вопрос остался спорным, нерешённым, в душе появились сомнения. Эпизод этот характеризует не только отношение автора к воронежским верующим крестьянкам, но и позволяет представить душевный облик Гинзбург на одном из этапов её эволюции.

В свою очередь эта сцена рождаёт новые вопросы. Если подобное мужество обнаруживают представители не просто чуждых, но враж-

дебных (например, политических) взглядов, как оценивать их поведение - как безумное, как политический фанатизм или как достойное уважения и сочувствия?

А если собственные убеждения коммунистки Гинзбург кто-то со стороны (быть может, много лет спустя) будет рассматривать как догматические, не будет ли этот "кто-то" считать муки невинно репрессированных коммунистов напрасными, их стойкость безумной, их самих фанатиками, слепо преданными своим идеям? Может быть, нетерпимость к другим "системам человеческих взглядов" ошибочна и, более того, бесчеловечна?

Нет, подобных высказываний в "Крутом маршруте" нет, подобных мыслей автор себе не разрешает. Но они есть у сегодняшнего читателя. В связи с этим не напоминает ли Гинзбург с её преданностью своим идеалам, своей партийной программе, жизненным установкам и конвоиров, и верующих крестьянок, и эсерку Дерковскую с их нетерпимостью, бескомпромиссностью, убеждённой в правоте именно своих идей?

Нет, в жестокости, в антигуманном отношении к людям лично Гинзбург обвинить никак нельзя. Но при всём том, что ей одинаково чужды и те, и другие, и третьи, есть у нее с ними нечто общее - неуступчивость, готовность на высшее самопожертвование во имя утверждения своей правды, своих нравственных и политических принципов.

Характерно, что среди вопросов, которые Гинзбург и "наши" задают сами себе, по поводу которых они спорят в ночном лагерном бараке, нет вопроса: надо ли, допустимо ли проводить линию партии, отстаивать принцип партийности такой ценой, таким способом?

Утвердительно ответить на этот вопрос значило бы встать на ту же позицию, что и государство, лагерная администрация, следующая предписаниям государства, наконец, те же охранники. Так ответить автор не мог. Вернее, всем содержанием этой сцены, книги в целом Гинзбург протестовала против такого обращения с людьми, такого проведения в жизнь принципа партийности.

Отрицательно же ответить на этот вопрос значило бы подвергнуть сомнению политику партии и государства, увидеть противоречие между принципом партийности и общечеловеческими ценностями. Автор предпочёл этот вопрос не ставить, пройти мимо него.

Так или иначе, с подачи автора или против его воли снова возникает мысль об относительности тех или иных "систем человеческих взглядов" и "абсолютности мук, на которые люди обрекают друг друга" (90). Эти сомнения автора не поколебали, к идее политического плюрализма она не пришла, она осталась верна своим убеждениям, главным из которых является принцип партийности. Её мужеством и стойкостью

нельзя не восхищаться, её страданиям, как и страданиям многих и многих узников ГУЛАГа, нельзя не сочувствовать. Но нельзя не увидеть и по достоинству оценить готовности автора за теми или иными чуждыми убеждениями увидеть судьбу человека, готового пострадать за свою правду, готовности понять, что есть и другие люди... другие позиции...

Автор рвётся из 60-х годов в наше время с его бурными политическими спорами, яростными схватками представителей различных партий и ... останавливается, оставаясь дочерью своего времени.

Характерно, что оценка поведения героев разных сцен и эпизодов в книге идёт по линии морально-этической, нравственно-философской, Социально-политические взгляды автора остаются неизменными. Что это - политический догматизм? Нежелание или неумение отказываться от взглядов, которые формировались в течение всей её сознательной жизни? Видимо, в социально-политическом отношении ни Гинзбург, ни её современники в конце 50-х - первой половине 60-х годов взглядов своих изменить не смогли, не захотели, сами себе запретили.

Что же помогло ей выжить и сохранить себя как личность?

С. Сивоконь справедливо указывает: "... сила духа... желание рассказать людям о том, что случилось с ней самой, с её товарищами по несчастью, с её партией ... талантливость (в том числе поэтическая)... поэзия ... память ... юмор - мощный источник дополнительной силы для человека... добрые, душевно зоркие люди" {2}, ставшие её наставниками, оказавшие ей моральную, а подчас и не только моральную поддержку... Добавим к этому: свет коммунистических идеалов, верность им, стремление оказаться достойной их.

Но вот парадокс: эти же самые идеалы порождали "величайшие иллюзии" (412), романтический максимализм, нетерпимость к носителям иных точек зрения, позицию воинствующего борца с чуждыми идеями.

Сторонники таких агрессивных мировоззренческих позиций находились, как показывает опыт Гинзбург, не только в коммунистическом лагере, но и среди его противников; не только на воле, но и среди жертв культа личности. Более того, подчас сам этот романтический максимализм, эта нетерпимость искали и находили (!) своих идейных противников.

Да, Гинзбург видит ответственность за всё, что произошло в её стране, с её партией, её поколением, видит и личную ответственность и своих современников, но в правильности линии партии не сомневается. Она осуждает жестокость, с которой обращались с узниками ГУЛАГа, беззаконие, в результате которого честные патриоты становились жертвами произвола. Но она не видит, что и она, и её единомышленники явились той почвой, на которой мог расцвести мрачный цветок челове-

коненавистничества, того, как использовалась их нетерпимость в качестве средства устранения с пути к неограниченной власти людьми "из очень высоких адресов" (40).

И всё же, в конечном счёте, автор сосредоточивает внимание не только на муках и страданиях, не только на следователях-палачах и блатных, но и на тех, кто сыграл роль опоры и надежды. Одним из таких персонажей был Вальтер Антон Яковлевич. На образе Вальтера "мне хотелось ... показать, как жертва бесчеловечности может оставаться носителем самого высокого добра, терпимости, братского отношения к людям" (432). В один ряд с Вальтером встают десятки персонажей "Крутого маршрута": люди образованные и малограмотные, коммунисты и далёкие от политической деятельности, люди разных возрастов, национальностей, жизненного опыта, мужчины и женщины, близкие, знакомые и вовсе не знакомые. Их роднили морально-этические принципы человеческого общежития, которых они придерживались по велению души, по голосу совести.

Особенности композиции и ее задачи

Выбор жанра - "хроники времён ..." - определил композицию "Крутого маршрута", в основу которой был положен принцип пространственно-временной организации повествования. Иными словами, материал отбирался в соответствии с вынужденным путешествием героини во времени и пространстве.

Казань - Москва - этап через Сибирь - Владивосток - Магадан - Эльген со всеми его ближними и дальними "командировками" - Магадан - вот пространственные вехи маршрута автора-рассказчика.

Приближение грозы (1935 -1937 гг.) - арест, тюрьма, приговор (1937 г.) - пребывание в тюрьмах Москвы, Ярославля (1937 - 1939 гг.) - этап на Колыму в 7 вагоне, в трюме парохода "Джурма" (лето 1939 г.) - две недели в женском отделении магаданской лагерной больницы и полтора месяца работы там же (август - октябрь 1939 г.) - Эльген с его лесоповалом, встречей с блатными, работой в качестве леккома, встречей с Вальтером (1939 - 1947 гг.) - спецпоселение в Магадане с мытарствами в связи с устройством на работу в детских учреждениях, встречей с сыном, Вальтером (1947 - 1952) - работа в школе, борьба за восстановление трудового стажа, честного имени, надежды, тревоги, радость в связи с реабилитацией, возвращение к жизни (1953 -1957 гг.) - временные вехи её странствий.

В книге создан **образ Времени**, которое в соответствии с законами художественного произведения приобретает свойство то ускоряться, то замедляться или даже вовсе останавливаться. Об этом говорят названия глав и их содержание.

Так, события в первой части начинаются "Телефонным звонком на рассвете" (глава 1) и "Прелюдией" (глава 3), катятся "Снежным комом" (глава 4); драматизм происходящего усиливается определением "последний" в названии главы 6 "Последний год"; далее "Счет пошёл на миги" (глава 7), и вдруг время останавливается: "Настал тридцать седьмой" (глава 8), "Этот день" (глава 10). С 11 главы в течение оставшейся первой части, насчитывающей в целом 48 глав и являющейся самой большой в книге, появляются и исчезают персонажи хроники, происходят "Расставанья" (глава 19) и "Новые встречи" (глава 20), но художественное время не движется или тянется мучительно долго, о чём говорят названия глав: "Бутырские ночи" (глава 27), "Светлые дни и тёмные ночи" (глава 35), "День за днём, месяц за месяцем" (глава 40), "Время больших ожиданий" (глава 46).

В третьей части художественное время снова начинает двигаться и тут же приобретает драматический оттенок: глава 14 называется "Двадцатый час", глава 17 - "Перед рассветом".

О календарном времени названия глав напоминают прямо или косвенно: "Настал тридцать седьмой", "С применением закона от первого декабря" (глава 28) (имеется в виду Закон от первого декабря 1934 года о приведении приговора в исполнение в течение 24 часов с момента вынесения; Закон был спешно принят в связи с убийством С.М. Кирова).

Во второй части всего одна глава косвенно свидетельствует о том, что происходит там, на воле, где действует календарное время: "Война! Война! Война!" (глава 13). Идёт повествование об этапе, пребывании в лагере, меняются виды работы, место действия, героиня встречается с новыми людьми, но художественное время не движется. Не случайно вторая часть заканчивается главой 28 "От звонка до звонка".

Отметим, кстати, эту переключку между началом первой части "Телефонный звонок на рассвете" и последней главой второй части "От звонка до звонка". Автор сознательно использует игру слов с буквальным и переносным значением. Заметим и переключку начала книги и одной из последних глав третьей части ("Телефонный звонок на рассвете" и "Перед рассветом"), придающую произведению кольцевую композицию.

В названии многих глав использован приём контраста, часто с горько-ироническим подтекстом. Так, в первой части глава 5 называется "Ума палата, а глупости - саратовская степь", глава 13 - "Следствие располагает точными данными" (Гинзбург уже тогда, а читатель сегодня, знает цену этим "точным данным"), глава 14 - "Кнут и пряник" (в главе речь идёт о "добрых" и "злых" следователях, а точнее, о двух методах ведения следствия). Во второй части глава 15 называется "И свет во

тьме" (хотя речь в ней идёт о лагерном могильщике Егоре, который действительно подарил минуты радости Евгении Гинзбург и был этим счастлив, но участь его ужасна), глава 29 - "Суд скорый и праведный" (хотя, в сущности, это событие было не судом, а объявлением заранее написанного приговора, продолжалась процедура меньше десяти минут, и было бы точнее назвать её не скорой, а скоротечной, о праведности и справедливости суда и говорить не приходится), глава 39 - "На будущий - в Ерусалиме!" ("... надежда лгала нам своим детским лепетом. Вопреки логике, вопреки здравому смыслу, мы были уверены, что "на будущий - в Ерусалиме!") (176).

В третьей части горько-ироническим, а иногда и зло-ироническим контрастом звучат названия главы 6 "И барский гнев, и барская любовь", главы 12 "Семеро козлят на идеологическом фронте", главы 13 "Тараканище" (с помощью суффикса автор подчёркивает, какого "слона" сделали из "Мухи-цокотухи" или "Тараканища"), главы 16 "Коменданты изучают классиков".

Отдельные главы вступают во взаимодействие друг с другом, названия - с содержанием. Так, контрастно звучат главы первой части "Расставания" и "Новые встречи"; во второй части названия глав обещают повествование о внешне благополучном житье в лагере, а содержание говорит, как много пришлось пережить в это время героине (с одной стороны, "Молочные реки, кисельные берега", а с другой стороны, судя по содержанию главы, "все "элементы" работали почти неправдоподобно по напряженности и самозабвенности труда" (367), героиня работает лекпомом среди уголовниц, полмесяца работы на сенокосе приблизили угрозу смерти из-за голода (пайку уменьшали, так как норма не вырабатывалась), холода, непривычного, сложного дела); "победные" названия глав 19 и 20 "Добродетель торжествует" и "Порок наказан" противопоставлены содержанию глав, эпиграфом к которым могли бы послужить слова автора: "Страдаю - значит, жива" (396). Подобные примеры можно найти во всех частях.

Анализ композиции, своеобразного использования художественного времени, взаимодействия глав и их названий позволяет увидеть особенности авторской позиции, специфические средства её выражения.

"Крутой маршрут" - это не только и не просто мемуары, это - документально-художественное произведение, задачей которого было стремление рассказать правду о прошедших годах своей жизни и жизни реальных людей (другое дело, насколько это сумела и захотела сделать Гинзбург), а также создать яркие характеры персонажей, отобразить наиболее показательные сцены, истории, эпизоды, позволяющие обнаружить подлинную ценность того или иного героя и отношение к нему автора.

Выбор темы, мемуарно-биографический характер повествования диктует эпизодическую структуру, задача которой дать как можно более полное и конкретное, зримое представление об образе жизни, мыслей и настроений героини и её окружения. Поэтому в центре такого произведения должна была стать рассказчица, а содержанием - история её встреч с людьми разных взглядов и судеб. В замысел книги входило рассказать об эволюции взглядов и настроений героини, о формировании концепции, объясняющей происходившие с ней и её народом события.

По широте охвата, по разнообразию представленных типов и характеров перед нами, безусловно, эпическое произведение, повествующее о судьбе народа в один из трагических периодов его истории. История жизни героини перекликается с судьбой народа, становится одной из многих тысяч историй ей подобных. Лирическое начало переплетается в книге с эпическим, и оба начала окрашены в драматические тона. В то же время, как справедливо отмечает С. Сивоконь, произведение немыслимо без юмора, в одних сценах смягчающего воспоминания о мрачном прошлом, в других - подчёркивающего кошмар пережитого. Большую роль в книге играет публицистическое начало: многие вопросы, поднятые Гинзбург, актуальны не только для 60-х гг., когда писалась основная часть книги, но и для нашего времени.

Тематика "Крутого маршрута"

Очевидно, что "Крутой маршрут" примыкает к так называемой "лагерной прозе". Он занимает своё место среди таких произведений, как "Один день Ивана Денисовича" А. Солженицына, "Колымские рассказы" В. Шаламова, "Чёрные камни" А. Жигулина, рассказы-воспоминания Г. Жженова, Л. Разгона, "Зекамерон XX века" Вернона Кресса (Петера Деманта) и других, особенность которых в том, что в центре внимания их авторов оказалась судьба их страны, тесно переплетённая с судьбой их героев.

Вторая тема, ещё более важная для автора, чем "летопись страданий", - тема душевной эволюции героини.

В морально-этическом плане повествования наиболее значительной для автора становились тема самоопределения, тема отстаивания поруганного человеческого достоинства, борьба за утверждение идеалов справедливости, "против наследия Сталина" (594).

В социально-философском плане, следы которого остались в книге, пафос книги состоял в том, чтобы попытаться найти ответ на вопрос, по какой причине для героини и её страны обернулось трагедией дело жизни её народа, партии, активным членом которой она являлась. Однако в "Крутом маршруте" нет сколько-нибудь убедительного (во

всяком случае, для нас, читателей конца XX - начала XXI вв.) объяснения этой едва ли не главной, острой проблемы. Достаточно важное место занимают в книге тема любви, тема дружбы.

Типы героев и приёмы их характеристики

"Крутой маршрут" чрезвычайно многогеройная книга. Общее количество их достигает почти шестисот, более четырёхстам из них даются краткие, но ёмкие характеристики.

Для этого автор пользуется то портретом, то сообщением о прошлом персонажа или о его будущей судьбе, то выбирает критический момент его жизни, показывающий, до какой степени падения может опуститься человек или как он сохраняет в бесчеловечных обстоятельствах лучшие человеческие качества, то сталкивает героев в спорах, в ходе которых обнаруживается уровень образованности, степень информированности, осмысления происходящих событий или нежелание размышлять над ними.

Перед нами проходит множество типов: партработники и комсомольцы, представители научной, технической, военной и художественной интеллигенции, крестьяне и рабочие; уголовники и политические, вольнонаёмные, следователи НКВД, МГБ и КГБ, конвоиры и надзиратели; верующие и атеисты; коммунисты, эсеры, беспартийные и далёкие от какой бы то ни было партийно-политической деятельности... Люди разных возрастов, национальностей, политических убеждений, уровня образованности, образа жизни и привычек, палачи и их жертвы, слабые и сильные...

Одни свято верили в коммунистические идеалы и оставались верны им в течение долгих лет пребывания в изоляции, так до конца и не поняв, в чём или в ком надо искать корни их трагедии; другие с той же "истовостью" "очищали" общество от "врагов народа", видя в каждом ээке прежде всего и только преступника; третьи держались в стороне, решая личные проблемы; немногие прозревали (хотя бы частично), сохраняя участие к судьбе человека, оказавшегося в беде, но происходило это не сразу, тайно, выражалось в сочувственном взгляде, послаблении в содержании режима, в скупой, но порой так необходимой весточке с воли, в посильной помощи; многие из тех, кто участвовал в арестах, допросах, лжесвидетельствах и доносах, сами оказывались рядом со своими жертвами.

В соответствии с положением персонажей, их отношением к заключённым формируется авторское отношение к героям: ненависть и презрение, злая, беспощадная ирония над сторожевыми псами, садистами и палачами и сострадание к товарищам по несчастью.

Конечно, в книге нет (возможно, потому, что Гинзбург таких лю-

дей не запомнила или не была с ними близка, а скорее всего, потому, что она их сторонилась, они её не интересовали) целого ряда типов, которых автор не мог не видеть в лагере: почти нет раскулаченных крестьян, "окруженцев", осуждённых полицаев, старост, власовцев. Не видим мы среди персонажей и репрессированных из офицерского корпуса Красной (позднее - Советской) Армии. Очевидна избирательность автора, она ограничивает возможности социального анализа. Вряд ли за это следует упрекать автора. Книгу надо оценивать по тому, как много увидел художник, насколько глубоко разобрался в увиденном, как ярко создал образы-характеры; по тому, какую задачу перед собой поставил автор и как с ней справился.

Двойная функция автора

У автора "Крутого маршрута" двойная функция в книге: как у меуариста задача Гинзбург - рассказать, "что случилось с ней самой, её товарищами по несчастью, с её партией" {3}, а как у автора эпического произведения её задача - выяснить, как и почему состоялась трагедия, пережитая ею и её товарищами. Перед нами возникает традиционный для русской классической литературы герой-правдоискатель.

Слово "правда" в русском языке имеет несколько значений, два из которых особенно близки литературе: 1. "То, что соответствует действительности; истина... 2. Справедливость" {4}.

Вслед за русской классикой Гинзбург стремится установить истину, то, что произошло в действительности с её героинями, кто и в чём виноват, кто, как и почему пострадал, кто в труднейших условиях пребывания в тюрьмах, лагерях, ссылке сохранил в себе человека.

Особенности авторской позиции

Повторим: "Крутой маршрут" - художественно-документальное произведение. Художественное начало предполагает возможность и право на субъективное изображение и оценку событий и героев. Документальное начало требует верность фактам, точность в изображении событий, имеющих реальную основу, и героев, у которых есть прототипы, и предполагает возможность проверки субъективных суждений документами и свидетельствами очевидцев.

Если в первой части книги Гинзбург нарисовала себя "политическим младенцем", не способным самостоятельно проанализировать обстановку в стране и определить для себя линию поведения, то в какой-то степени это было верно. Такой тип людей формировала Система тоталитарного государства. Героиня книги была человеком своего времени и общества. Люди не хотели знать и видеть дальше тех границ, которые определило для них государство и которые они сами для себя определяли.

Долю своей вины и ответственности Гинзбург чувствует, но именно долю. В полной мере эту ответственность определил А. Твардовский, отказавшись печатать "Крутой маршрут". Однажды Твардовский так высказался о "Крутом маршруте" и его авторе: "Книга мне нравится, мне лицо автора не нравится". Более подробно о той же позиции Твардовского сказал Юлиан Семёнов в "Ненаписанных романах" в 1990 году: "Я отчего-то вспомнил застывшее лицо Твардовского в тот момент, когда спросил его, отчего он отказался печатать в "Новом мире" горькую книгу несчастной женщины, просидевшей в лагерях добрых двадцать лет.

Твардовский ответил не сразу ... Вздохнул: "Видите ли, когда она была женою городского головы, и на Казанском вокзале её "линкольн" встречал, и в гостинице "Москва" был номер "люкс" забронирован, - всё было нормально, претензий у неё к Сталину не было, хотя в тюрьмах уже страдали сотни тысяч, да и ужасы коллективизации были на памяти, "головокружение", так сказать.

А как самой трагедия коснулась, так и переменялось в корне её воззрение ... А литература - во всяком случае, русская - прежде всего живёт страданиями, "окрест меня открывшимися" {5}.

Борис Лесняк

Какова же линия её поведения в сценах, посвящённых годам пребывания в лагере и ссылке на Колыме? Попытаемся определить и оценить её, опираясь на суждения тех, кто знал Гинзбург в то время и в той обстановке.

Борис Лесняк, заключённый, работавший фельдшером в лагерьной больнице на Беличьей, ныне писатель, проживающий в Москве, человек наблюдательный, в суждениях независимый, даже резковатый, в одном из фрагментов своей книги "Неоконченные споры", опубликованных в районной колымской газете "Северная правда", пишет: "... лагерную судьбу Евгении Семёновны Гинзбург можно было бы считать счастливой. Я подчёркиваю - лагер-

ную, не имею в виду трагедию всей её жизни: потерю мужа... поруганное имя, разрушенную семью... Да, судьбой счастливой по меркам и

понятиям того места и времени" {6}.

Он доказывает, что Гинзбург во второй части "Крутого маршрута" преувеличивает муки и тяготы, что выпали ей на Беличьей, куда она попала то ли в конце 1943 г., то ли в начале 1944 г. и где оставалась ещё в ноябре 1945 г. (сам Б. Лесняк, по собственным воспоминаниям и воспоминаниям его жены Н.В. Савоевой, тогда главного врача лагерной больницы на Беличьей, находился здесь с февраля 1943 г. по 1 ноября 1945 г.). По словам Б. Лесняка, у Евгении Гинзбург на Беличьей было "благополучное, почти барственное положение" {7}, а по "Крутому маршруту" получается, что это был "один из кругов её лагерного ада" {8}.

Ей хотелось, пишет Лесняк, видеть себя "страдалицей, страстотерпицей" {9}, "быть ещё и героем" {10}. Такой она и нарисовала себя в "Крутом маршруте", а по Лесняку, она была и "осталась свидетелем", хотя и, как он это доказывает, не вполне добросовестным. И с этим его утверждением приходится согласиться.

Кстати, этот же вывод подтверждает и В. Шаламов в своём письме

В. Т. Шаламов

Б. Лесняку 1 марта 1965 г. Шаламов просит Лесняка разъяснить своё недоумение насчёт Гинзбург: "... она выдаёт себя не за то, что она была" {11}, хотя и оговаривается, что знал её на Колыме мало.

Лесняк, Шаламов и Савоева были знакомы по лагерной больнице на Беличьей: заключённый Лесняк был оставлен главным врачом лагерной больницы Савоевой фельдшером, "Шаламов, вчерашний доходяга, фитиль, был оставлен на лёгких хозяйственных работах, но выполнял, главным образом, обязанности культорга. По благополучию положения он был много ниже Гинзбург" {12}.

В своих воспоминаниях "Я выбрала Колыму" Нина Владимировна Савоева пишет: мы (Савоева и Лесняк. - Д.Р., М.Р.) "хотели его (Шаламова. - Д.Р., М.Р.) сохранить как русского

интеллекта, человека нездорового, настрадавшегося от непосильного труда, голода, холода, произвола. Я сделала его культургом больницы, он читал в палатах лагерную многотиражку, выпускал вместе с Лесняком больничную стенгазету. Летом, когда поспевал урожай открытого грунта, я ставила Варлама сторожем. Он жил в уютном шалаше, был сыт и независим" {13}.

"Гинзбург была сестрой-хозяйкой дома отдыха для заключённых забойщиков Бурхалы, передового прииска Севера. Сей оздоровительный пункт находился на территории Беличьей в административном подчинении больницы. Должность сестры-хозяйки не была обязательной. Гинзбург я взяла на Беличью по просьбе заключённых врачей, моих коллег, взяла во спасение от грозивших ей больших неприятностей в женском лагере на Эльгене" {14}.

"Эти два человека были бельмом на глазу всего персонала, трудившегося в поте лица, и моим уязвимым местом, моей ахиллесовой пятой. Оба они ещё оставались на Беличьей, когда и меня, и Лесняка там уже не было" {15}. (В сентябре 1945 г. Савоеву перевели на должность начальника санчасти ЮЗлага - Юго-Западного управления лагерей).

Подводя итог своим воспоминаниям-размышлениям, Борис Николаевич Лесняк пишет: "И Шаламов, и я считали Гинзбург партийным догматиком из элитарного слоя" {16}. Этот вывод подтверждается анализом и книги, и архивных документов.

Первую часть "Крутого маршрута" Лесняк читал в авторском машинописном варианте, отметил хороший язык повествования. Чтение второй части состоялось много лет спустя, уже после ухода из жизни автора "хроники". "Чтение второй части невольню контролировалось знанием предмета, собственным опытом. Я же ... всё чаще и чаще обнаруживал произвольный отход от факта, несовпадение и несогласованность дат, местами буйную расцвеченную фантазию при описании событий, никогда не имевших места" {17}. Свой вывод Лесняк подтверждает многочисленными примерами.

Однако к такому же итогу приходит магаданский читатель при знакомстве и с третьей частью.

Она охватывает последний период пребывания Гинзбург в Магадане, когда ссыльная Евгения Семёновна работала учителем русского языка и литературы в средней школе № 1 (в вечерней, дневной и заочной).

Наши беседы с её бывшими учителями-коллегами, воспоминания её бывших учеников (например, заметка Л. Яценко-Соболевой, выпускницы 1957 г., "Её глаза лучились тёплым светом", опубликованная в газете "Магаданская правда" 14 января 1995 г.; письмо Героя Советского Союза полковника в отставке М.В. Ашика, бывшего ученика Евгении

УДОСТОВЕРЕНИЕ № 10

Итого Народного образования
 7 - месяц 1955 г.
 № 13

Выдано тов. Семёновна Е. В.
Семёновна

работавшему на Далеком Севере в количестве
учебников Магд. шк. раб. шк. № 1
 в том, что ему /ей с "8" месяц 1955 года
 предоставляется отпуск с возвратом в город Магадан к
25 ноября 1955 г.

Совместно с тов. Семёновна Е. В.
 отвечает: уч. Алексеева Н. И. 1948 г.

МАГАДАНСКИЙ ГОРОДСКОЙ
 ИСТЕЛАНОВ /

Обязательный документ отпускника-дальстроевца

Семёновны в вечерней школе № 1, ныне проживающего в Петербурге) свидетельствуют о том, что ученики её любили, в школе её уважали; в искренности её суждений не сомневались; коллеги приняли её доброжелательно, помогли устроиться на работу, устроили сына Васю в школу, которую он окончил, поддержали в трудный момент и Евгению Семёновну и Васю позднее.

В 1953-1954 учебном году Евгения Семёновна работала в вечерней школе; в 1954-1955 учебном году она, судя по "Крутому маршруту" и сохранившимся документам, взяла два 10-х класса, на условиях почасовой оплаты был у неё и один 10 класс в заочной школе. Документов, подтверждающих её работу в заочной школе, в архиве магаданского ГорОНО не сохранилось, но её работа в заочной школе устанавливается по выпускной фотографии, воспоминаниям учеников (письмо М.В. Ашика) и её коллег (в частности, организатора и первого директора заочной школы Р.Ф. Сысоевой). Р.Ф. Сысоева вспоминает, с каким облегчением произнесла в её кабинете Евгения Семёновна: "Наконец я добилась права вернуться к педагогической работе".

Кстати, такое совмещение работы в вечерней и заочной школах было для Евгении Семёновны удобно, так как обе школы занимались в

Х А Р А К Т Е Р И С Т И К А

212

преподавателя русского языка и литературы ГИНСБУРГ Е.С.

ГИНСБУРГ Е.С. работает преподавателем русского языка и литературы в 8-10 классах Магаданской средней школы рабочей молодежи № 1 с 1952 года.

К работе относится добросовестно, уроки проводит интересно методически правильно, глубоко научно вызывая большой интерес у учащихся к литературе.

Пользуется заслуженным авторитетом и уважением среди учительского и ученического коллективов. Являлась руководителем методической секции русского языка и литературы и хорошо проводила эту работу.

Считается одним из наиболее грамотных учителей в области знаний по литературе и русскому языку.

З.А.В. МАГАДАНСКИМ
ГРОНО

ИСТЕПАНОВ

9 ИЮНЯ 1955 года
ГОР. МАГАДАН

Заслуженная оценка педагогического труда

одном здании, в разные дни, в заочной школе занятия шли в основном в форме консультаций, учителя дома проверяли контрольные работы, появлялось свободное дневное время, хотя и возникали сложности в связи с ежедневными поздними возвращениями.

Годы 1953-1954, да и последующие в Магадане были очень беспокойными: по амнистии из лагерей выходило много уголовников, они скапливались в областном центре, добывая себе средства к существованию любыми, в том числе и незаконными путями. Так что вечерние возвращения были далеко не безопасны.

Школа рабочей молодежи № 1 (и вечерняя, и дневная), как, впрочем, и большинство ШРМ страны, посещалась в основном девушками и молодыми людьми, чье образование было прервано Великой Отечественной войной, оккупацией, вынужденно ранней работой и по другим причинам, рожденным войной и ее неблагоприятными для учёбы последствиями.

Как правило, в школу шли, стремясь получить недостающие знания, подчас подгоняемые начальством.

Глубокоуважаемый 213

Василий Иванович!

Хочу поблагодарить Вас за
присланный Вами короткий
характеристический и одновременно
по сообщению Вам, что я
не только полностью реально
трудоустроен по судебной
службе, но и всегандомом
в партии. Зорин в Москве
согласен об этом реше-
ние наркокомитета КТК.
К началу второй сессии
я вернусь в Магадан
на работу.

Увер. Вас

В. Тимозин

19/VIII г. Горький.

Но подавляющее большинство училось с охотой, сознательно. Было и другое отличие "вечерников" от учеников дневной школы: огромный жизненный опыт. Многие из учащихся вечерней и заочной школ прошли войну, пережили трудности тыловой жизни во время войны, знали особые условия жизни в Магадане, своеобразии которой заключалось в постоянных встречах с заключёнными и спецпоселенцами - политическими и "блатными", под конвоем и расконвоированными, живущими в лагере и в домах многих магаданцев в качестве домашних работниц и работников (их часто называли дневальными).

Такие встречи происходили и при совместной работе и приводили к установлению более или менее постоянных контактов, выработке определённого стиля поведения с различными типами заключённых и ссыльных, к размышлениям о причинах попадания людей в "зону".

Да и сами ученики были довольно пёстрыми по социальному составу: в дневной школе учились и дети дальстроевской "верхушки", и дети спецпоселенцев, репрессированных, находящихся в ссылке, а в вечерней школе - отслужившие в действующей Советской Армии, прошедшие войну и знавшие о ней понаслышке. У них был свой жизненный опыт, во многом не знакомый Евгении Семёновне. При всём при этом они и в вечерней школе оставались молодыми людьми и девушками - школьниками, только более старшего возраста.

218

ЗАВ. МАГАДАНСКИМ ГОРОНО
М. И. Ш. 2/10

Преподавательница литературы ЕРМ №1
Е. С. ГИЗЭВУРГ.

Прошу Вас предоставить мне вакантное место преподавателя литературы в школе №1.

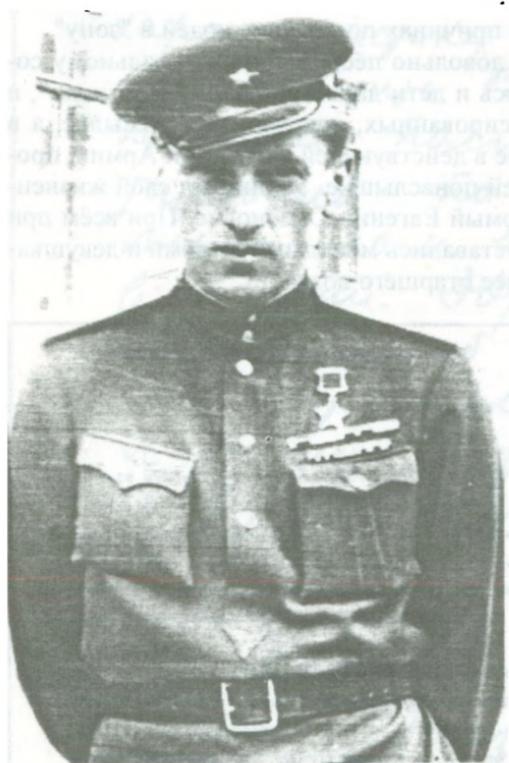
Я окончила Кавказский Педагогический Институт, и на основании диплома мне присвоена квалификация преподавателя средней школы.

Прошу Вас тарифицировать мой заработок как преподавателя со стажем свыше 25 лет, так как я проработала свыше 12-ти лет в школах и вузах г. Казани, о чем имел соответствующие справки, а, кроме того, на основании постановления Сов. Министров СССР от 8-го сентября 1958 г. за № 1858, 16 лет, проведенные мной в тюрьме и ссылке, должны быть мне зачтены как стаж работы по специальности.

24-го декабря 1958 г.

Педагог заработан... в тюрьме, лагерях

Очень интересным в связи с характеристикой класса, в котором вела уроки русского языка и литературы Евгения Семёновна, является письмо выпускника школы рабочей молодёжи № 1 Ашика М. В., окончившего школу в 1954 г. Он описывает и анализирует настроения учеников, состав класса, взаимоотношения учащихся и Евгении Семёновны как раз в связи с чтением третьей части "Крутого маршрута". Он участник войны, в школу пришёл достаточно взрослым человеком, со сложившимися взглядами. Письмо написано в середине декабря 1989 г., после весьма заинтересованного, даже пристрастного знакомства с "Крутым маршрутом": вспоминает-то его учительница, о его классе. Адресовано письмо историку-краеведу Давиду Семёновичу Райзману.

М. В. Ашик. Магадан. 1963 г.

Вот что пишет Ашик (стиль сохраняем, опускаем то, что к теме не относится):

"...Изучил, конечно, "Крутой маршрут" Евгении Семёновны Гинзбург. Помню её пламенной любительницей своего предмета, читающей наизусть не только стихи, но и прозу, удивляющую нас этим и быстро завоевавшую и любовь и авторитет. Я всех преподавателей вечерней школы помню, но её наиболее ярко.

Несколько слов о "Крутом маршруте". Не берусь судить о лагерных главах. Эту сторону человеческой деятельности она знает, естественно, получше меня, но глава, касающаяся вечерней школы (она называет её "школой взрослых"), документальной мне не кажется. Если она изменила даже название, то, может быть, писала её как ху-

дожественное произведение, то тогда - метко, остро, зло. Святое право так писать она выстрадала. И если это художественный вымысел, то всё нормально и у меня нет возражений. Повесть есть повесть, это не мемуары ...

Но если это воспоминания, то читатель, особенно магаданский, а я

РСФСР
МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ

АТТЕСТАТ ЗРЕЛОСТИ

Настоящий аттестат выдан *Ашику Михаилу Владимировичу*
родившемуся в *г. Ленинграде* 1935 года.
в том, что он... поступив в 1953 году в *Магаданскую среднюю школу № 1*
Рабочей Колонии ... окончила...

покаяный курс этой школы и обучения при одобрении поведения следующие
знания по предметам:

Русский язык	4 (хорошо)	Общая история	5 (отлично)
Литература	5 (отлично)	Конституция СССР	5 (отлично)
Алгебра	3 (хорошо)	География	5 (отлично)
Геометрия	4 (хорошо)	Физика	3 (хорошо)
Тригонометрия	4 (хорошо)	Астрономия	5 (отлично)
Естественные науки	4 (хорошо)	Химия	4 (хорошо)
История СССР	5 (отлично)	Иностранный язык	3 (хорошо)

Настоящий аттестат дан по владению правами преподавания в высшие
учебные заведения Союза ССР.

Директор школы

Краница

Выдан 16 июня 1954.

Заставлен директор
подготовил штамп

г. Магадан

Магаданской области

А № 170389

Шинилов

Этинский

Грант

себя к этой категории причисляю, воспримет эти страницы, как и всю книгу, за истину, возражать которой кощунственно. Автор же сам всё это пережил. Какие же тут сомнения?! Но я, учившийся у неё, свою незабываемую "школу взрослых" (мне она ох как нелегко далась! Шесть лет учился) не узнаю. Я так же, впрочем, не узнавал события и описания боёв, в которых участвовал. Видно, это не так просто увидеть в прочитанном свою жизнь. Впрочем, может быть, была другая школа в Магадане, кроме нашей, и она называлась "школой взрослых"? Иначе как можно понять?

(Далее в кавычки

взяты у Ашика М.В. цитаты из "Крутого маршрута", а в скобках мы указываем номера страниц по выше названному изданию. - Д.Р., М.Р.).

"Одни сплошные офицеры" (665), "сорок человек" (665), и все коменданты! По датам сходится - март, смерть Сталина, без сомнения, она описывает тот год, когда учился наш класс. У Вас (у Д.С. Райзмана. - М.Р.) есть выпускная фотография, разве на ней "сплошные офицеры"?

Позвольте кое-что поясню. Шесть лет я учился в вечерней школе не потому, что был таким уж тупым. Не всегда пускали, трудно было попасть на учёбу. Рабочий день наш в то время официально продолжался до 12 часов ночи. (Так работали и Горком и др. учреждения). Значит, требовалось разрешение уходить на несколько часов раньше с работы. А такое разрешение не давали каждый год... то пустят учиться,

то не пускают. Если давали разрешение на учебу в вечерней школе офицеру, то только одному из подразделения. А тут - сорок человек, и все "коменданты".

Спецкомендатура - это служба сродни нынешнему паспортному столу. Трудно представить, чтобы там набралось сорок офицеров, и ещё труднее - чтобы их отпустили учиться, то есть каждый вечер, четыре дня в неделю, отсутствовать на работе. Поэтому мне трудно увидеть, вообразить себе сорок офицеров, "сверкающих золотыми погонами, с отлично вычищенными сапогами"(665). В нашем классе, судя по фотографии... было не так уж много военных. Ни одного "коменданта" среди них не было.

Были моряки, лётчики и, конечно, чекисты - Магадан же всё-таки. Но не коменданты, и не сорок, и не весь класс.

Все мы - военные - чтили Евгению Семёнову, искренне восхищались её знаниями и эрудицией. А в книге - "ухмылка" (665), "враждебность" (665), "усмешка" (666), "надменность" (666), "сановные ученики" (676), "больше всего сквозила бдительность и меньше всего любознательность" (666).

Ну, пусть мы в её глазах были "деревенские Ванятки" (666), как она пишет. Действительно, эрудитами мы не были, но наши вопросы не могли быть "вызывающими". Евгения Семёновна любила дать нам понять, что она - старый член партии, на занятиях она проводила твёрдую партийную линию, ну зачем же на неё смотреть вызывающе? К тому же мы не студентами были, а всего лишь покорными школьниками. Жаль, конечно, что она видела нас не такими, какими мы были на самом деле.

Я понимаю, что писать так после несправедливого приговора она может. Но видеть в своих учениках "твердокаменную тупость" (669), "жандармские сердца" (669), "излучение угрюмого недоверия" (666) - это ошибка. Наоборот, за школьной партией мы раскрепощались, на несколько часов возвращались в детство, чувствовали себя снова учениками. Ведь у нас детство было отобрано войной, раз мы недоучились в своё время. А в Евгении Семёновне (по возрасту она была старше моей мамы) мы видели только умного, старшего товарища, да и партийности в ней было побольше, чем в любом из нас. Это крепко сидело в ней, это чувствовалось в каждом слове. Да она и пишет, как обрадовалась, когда ей вернули партийный билет. Словом, ей мы казались не теми, кем были на самом деле. Это шло от выстраданного ею. Окажись я в её шкуре, похлеще бы отстегал... Не виню, просто хочу объяснить...

Может быть, и Вы, Давид Семёнович, восприняли эту повесть только как художественное произведение? Вы же знаете, что анкет, например, в которых требовали бы сведения о "двоюродной бабушке", "жене

деверя", даже в бериевские времена не существовало. О родных-то бабушках не надо было сообщать, но в художественном произведении автор заостряет, а наш читатель такие "заострения" принимает на веру, читает как мемуары.

Простите ... получился чуть ли не разбор произведения Евгении Семёновны. Не мне это делать, да и написано хорошо, что и говорить. Спасибо ей. Пусть память о Евгении Семёновне будет светлой ..."

Очень интересное, умное письмо. М.В. Ашик внимательно прочитал книгу. Дай Бог каждому писателю такого читателя, со своим мнением, заинтересованным взглядом, уважением к личности и позиции автора.

Действительно, на выпускной фотографии 10 "а" класса 16 выпуска Магаданской средней школы рабочей молодёжи (выпуск 1954 г.), на которой среди учителей мы видим и Евгению Семёновну Гинзбург, из 23 снявшихся учеников (может быть, не все сфотографировались?) 4 девушки, 5 офицеров, 2 матроса, 1 старший сержант, 1 выпускник с боевым орденом на груди (участник войны?).

Явно, не все "коменданты", "и не сорок", "и не весь класс".

Ученики и коллеги Е. С. Гинзбург

Может быть, это не та школа, не тот класс? Но на фотографии надпись чётко говорит о школе, классе, номере выпуска, годе выпуска, и состав учителей тот же, и работала Евгения Семёновна, судя по воспоминаниям учителей-коллег, по личному листку по учёту кадров, другим архивным документам, в 1953-1954 учебном году в Магадане именно и только в вечерней школе № 1.

Другое дело, как рассказывает бывший заведующий ГорОНО, ныне пенсионерка, проживающая в Магадане, Р. Ф. Сысоева, ставшая в 1954 г. организатором и первым директором областной заочной школы, что в здании средней школы № 1 г. Магадана занимались ученики дневной школы; вечером, четыре раза в неделю, до 1954 г. приходили "вечерники" из школы рабочей молодёжи № 1; а с 1954-1955 учебного года в остальные свободные вечера занимались учащиеся областной заочной школы. В этой заочной школе было три 10-х класса. Один из них действительно состоял из сотрудников МГБ, другой - из сотрудников МВД, третий по своему социальному составу напоминал обычный по тому времени класс вечерней школы. Вот в этом третьем классе на условиях, видимо, почасовой оплаты и работала Евгения Семёновна в 1954-1955 учебном году. Правда, на этот счёт документов в архиве Магаданского ГорОНО не сохранились (возможно, они хранятся в архиве Магаданского ОблОНО; возможно, они вообще не сохранялись, так как работала Евгения Семёновна здесь временно, в течение одного года, "почасовиком").

Но Гинзбург пишет об учащихся вечерней школы, Ашик посещал вечернюю школу. Другое дело, что трактовки событий, отношений между учителем и учащимися у автора "Крутого маршрута" и читателя, одного из непосредственных участников этих событий, расходятся.

Если Б. Лесняк расхождение между трактовками событий и героев второй части объясняет "произвольным отходом от фактов ... буйной расцвеченной фантазией" автора, то Ашик - тем, что изображение и оценка событий и героев третьей части шли у Гинзбург "от выстраданного ею". Лесняк рассматривает вторую часть "Крутого маршрута" как мемуары и оценивает героев и события второй части с учётом критерия достоверности. Ашик оценивает "Крутой маршрут" двойственно: то как мемуары, то как художественное произведение. Если творение Гинзбург мемуары, то, по мнению Ашика, главы, посвящённые его классу, не соответствуют действительности. Если это - художественное произведение, то "заострение" оправданно.

Такое двойственное отношение к "Крутому маршруту" объясняется двойной природой произведения: в нём сочетаются художественное и документальное начала.

Главы, посвящённые работе Гинзбург в школе ("Коменданты изу-

чают классиков" и частично "Перед рассветом"), построены как спор автора с другом Антоном Михаилом Францевичем Гейсом, "немцем-колониистом из Крыма" (647), в полемике с которым Гинзбург занимает позиции защитника своих учеников, свидетельствуют: своих учащихся учитель не поняла, отнеслась к ним несправедливо. Она, скорее, создала образ их, ей важнее было передать своё впечатление о них.

Таким образом, документальное начало вступает в противоречие с художественным, субъективная позиция наносит существенный ущерб той задаче, которую поставила Гинзбург перед собой: писать "ТОЛЬКО ПРАВДУ".

Это обнаруживается и в целом ряде более мелких деталей: уже было сказано о сохранившемся личном листке по учёту кадров, заполненном рукой Гинзбург. Не было в нём таких вопросов, которые запомнила Евгения Семёновна.

"...и ГорОНО - один из островков вольного мира. Туда вход для касты неприкасаемых прочно закрыт. Это не то, что наше сануправление, где работает масса бывших зэка и поселенцев.

Я первая из наших переступаю этот порог" (662).

И это неверно. В дневной школе № 1 вели уроки недавно репрессированные или члены семей репрессированных. Например, Вера Ефимовна Гоголева, тогда молоденькая учительница истории, дочь несправедливо осуждённого отца, бывшего заместителя председателя горисполкома в Новосибирске; Константин Фёдорович Гученко, преподаватель физики, работавший до ареста доцентом кафедры физики Киевского университета, и химик Величкин - оба из репрессированных; в областной заочной школе вёл математику недавно освободившийся Ткаченко Василий Дмитриевич. Гинзбург встречалась с этими людьми в школьных коридорах, в городе.

Вера Ефимовна Гоголева была классным руководителем в том классе, где русский язык и литературу вела Евгения Семёновна; более того, Гинзбург в какой-то степени опекала молоденькую учительницу, была с ней более откровенной, чем с другими учителями.

Почему же она этих людей не замечает, не вспоминает? Потому ли, что они не входили в круг её друзей и приятелей, не посещали её дом? Нет, и здесь автору важно показать свою особенную, исключительную судьбу.

А как нарисованы Васины одноклассники и их родители, учителя-коллеги? Да никак, то есть весьма скупо или с изрядной долей иронии, даже сарказма. Вот, например, Гинзбург пишет: на выпускном вечере в дневной школе весной 1950 г., когда "Вася кончает школу", "сизу среди родителей выпускников рядом с полковницами и генеральшами. Слушаю, как длинноносенькая шустрая историчка призывает своих

учеников не забывать наш светлый золотой Магадан, построенный руками энтузиастов" (глава "После землетрясения") (608).

Но в главе "Карточный домик" говорится о том, что "единственные вольняшки, посещавшие наш дом, были Васины одноклассники.

Среди выпускников школы - дети заключенных, ссыльных и вольнонаемных дальстроевцев. Среди педагогов - жены репрессированных и ответственных работников Дальстроя. Слева в 3 ряду от директора школы - В. Аксенов

Но и то как-то само собой подобрались ребята с изъянами в анкетах. У Юры Акимова был в заключении отец, и они с мамой приехали к нему, когда он вышел из лагеря ... Юра Маркелов, хоть и прибыл с мамой-договорницей, но она здесь вышла замуж за нашего старого тасканского знакомого, бывшего зэка профессора Пентегова" (570-571). Значит, не одни лишь дети полковников и генералов учились в этом классе. Да и не было столько генералов и полковников в Магадане, дети которых именно в 1950 году выпускались бы из школы № 1.

Правда, далее, в главе "После землетрясения", автор вдруг спохватывается: "Вообще-то я дьявольски неблагодарна! Ведь именно эти тётки, так безвкусно расфуфыренные, проявили человечность: давали Васе за счёт родительского комитета бесплатный обед, пока я сидела в "доме Васькова" (608).

Здесь, скорее, автором руководит уязвленное женское самолюбие: "...в соседстве с шелками, чернобурками и массой ювелирных изделий я выгляжу самой затрапезной кухаркой, чьего сына выучили по милости господ" (608).

"Директорша добрая женщина. Во всяком случае, вкуса к злу у нее нет. Только вот похожа она очерком лица и фигуры на крупного зеркального карпа. Да и вялой флегматичной душой тоже. Она тарасится на меня с глубоким удивлением, когда я обнимаю её за плечи и шёпотом читаю ей из Пушкина ..." (685) (Гинзбург обрадована тем, что ей, бывшей ссыльной, разрешено, как и всем, ехать в отпуск на материк).

Вот и всё. Коллеги, вольнонаёмные жители Магадана не оставили светлого следа в душе автора, породили неприязнь, злую иронию или обойдены молчанием.

Помимо друзей и знакомых, освободившихся из лагерей и осевших в Магадане, "были у меня теперь и вольные знакомые. И не только сослуживцы. Ведь я ходила на родительские собрания в Васину школу, да и Антон знакомил меня с некоторыми своими пациентами из тех, кому вполне доверял.

Но с вольными всегда соблюдалась дистанция. Мы могли очень дружелюбно беседовать на нейтральной почве: в школе, на улице, в парке, в фойе кино "Горняк". Но ни им, ни нам никогда и в голову не приходило пригласить таких знакомых к себе домой" (570).

Действительно, на такой зыбкой почве дружеские отношения вряд ли могут завязаться. Сознательно, вынужденно или невольно Гинзбург и другие ссыльные замыкались в своём кругу, не случайно так часто мелькает в книге: "наши". Значение этого слова постепенно изменяется, наполняется новым содержанием. Если в лагере (например, при обсуждении поведения "воронежских религиозниц") "нашими" могли быть осуждённые "по 58-й", репрессированные интеллигентки, коммунистки по убеждениям, то в ссылке (например, при обсуждении вызова в ГорОНО) "нашими" были поселенцы, недавние лагерники, друзья и знакомые, вошедшие в сравнительно узкий домашний круг. Автор называет их по именам и фамилиям, даёт им характеристики. В этом кружке она чувствует себя хозяйкой дома, душой общества, может быть достаточно откровенной, независимой от внешних обстоятельств.

К сожалению, никто из коллег, попавших в поле зрения героини, в круг "наших" не вошёл.

Что же это были за люди? Как они-то относились к Евгении Семёновне? Какой она им видится?

Вера Ефимовна Гоголева, тогда молоденькая учительница истории (впрочем, она уже работала завучем в средней дневной школе № 1), ныне Заслуженная учительница школ РФ, директор Северного гумани-

ВЫИСКА ИЗ ПРИКАЗА № 5

222

ПО МАГАДАНСКОМУ ГОРОДСКОМУ ОТДЕЛУ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
от 1 февраля 1956 года г. Магадан

§ 4.

Тов. ГИЗБУРГ Евгению Соломоновну, учительницу русского языка и литературы Магаданской средней школы рабочей молодежи № 1 перевести с 11 января 1956 г. в Магаданскую среднюю школу № 1, для преподавания в 8 классах.

Основание: приказ ОблОНО № 3 от 31/1-56 г.

п.п. ЗАВ. ГОРОНО

/СТЕПАНОВ /

В е р н о

На Первомайской демонстрации учителя школы № 1. Первый план: слева направо - Е. Гинзбург, В. Гоголева

тарного лица при Северном международном университете в Магадане, Почётный гражданин Магадана, рассказывает:

"В первой школе я начала работать учительницей начальных классов в августе 1945 года, уроки истории вела с 1950 по 1956 годы, с 1956 года стала завучем".

(Гинзбург пришла в дневную школу № 1 в январе 1956 г. и проработала в ней полтора года).

"Я прекрасно помню Евгению Семёновну. Работая завучем и ведя уроки истории в 10 классе, я бегала в свой же класс на её уроки литературы. Её эрудиция, умение общаться с ребятами были выше всяких похвал. У детей челюсти отвисали на её уроках, я сама у неё училась, хотя была уже завучем.

Она была очень общительна; возможно, это явилось своеобразной формой компенсации за годы вынужденной изоляции, но формой высокоинтеллектуальной, обогащающей и приносящей радость общения и детям, и ей самой.

Коллектив знал её историю, принял очень хорошо, мы же выбрали её секретарём парторганизации.

Интеллектуальное её превосходство ощущалось, оно было заметно по образованию, воспитанию. Она этого не подчёркивала, но уважительная дистанция по отношению к ней со стороны учителей сохранялась".

Как видим, определённая дистанция сохранялась обеими сторонами - и Евгенией Семёновной, и учителями. Между ними было её прошлое. Учителя не позволяли бестактных вопросов, бередящих старые раны; Евгения Семёновна не навязывались со своими воспоминаниями, со многими учителями держалась сдержанно. Более откровенна была с Верой Ефимовной.

"Она не со всеми была откровенна. Но среди учителей была группа, с которой она общалась чаще, охотнее. Ко мне она относилась матерински-покровительственно".

Видимо, это объяснялось разницей в возрасте, жизненном и профессиональном опыте, некоторой общностью судьбы. Как уже говорилось, отец Веры Ефимовны в 30-е годы был репрессирован. Сама Вера Ефимовна, тогда ещё Верочка, была обаятельной, интересной, живой и общительной молодой женщиной. Евгения Семёновна симпатизировала ей, в какой-то степени опекала её:

"Не ходи в платке, Верочка. Ты - молодая женщина. А в платке ты бабушка. Дама должна быть в шляпке".

"Она была заметно энергичной, деятельной, всегда была готова помочь. Мишка (сын Веры Ефимовны. - М. Р.) болел у меня коклюшем. Вальтер по её просьбе пришёл, помог. Помню, как она говорила:

"Коклюш, Верочка, слово французское, ударение на последнем слоге".

(И я помню, что и Вальтер, и Евгения Семёновна многим помогали. Он лечил отца в 1952 году, когда отца прихватил инфаркт миокарда. Мама долгие годы работала в первой школе учителем начальных классов и завучем и, когда случилось в нашей семье это несчастье, обратилась за помощью через Евгению Семёновну к известному в то время в городе врачу. Антон Яковлевич не отказал. Кстати, в городе редко называли его по имени и отчеству, чаще "Вальтер". Я долгое время считал, что так его и зовут).

"Одевалась Евгения Семёновна со вкусом, старалась держать себя на уровне. Посмотрите на фотографию, она в шевиотовом пальто, в чернобурке. В целом ничего особенного (все мы одевались тогда довольно скромно), но всегда причёсана, помню тяжёлый узел чёрных волос, строгие платья. Никак не скажешь, что столько лет провела в тюрьмах, лагере, ссылке.

По характеру, по стилю поведения Евгения Семёновна была мажорным человеком, оптимистичным. Она вела откровенные разговоры об Эльгене, но не в трагических тонах, ничего не боялась.

Одноклассники В. Аксенова (второй справа во втором ряду). В центре - классный руководитель М. В. Устюжина. 1950 г.

Несколько раз рассказывала мне о Казанской тюрьме. Гинзбург пишет: "Мы сидели в Казанской тюрьме с Лепой (первым секретарём обкома партии. - *Д.Р.*). Мы слышали, как он кричал, когда его вели по тюремным коридорам:

"Коммунисты Казани! Не подписывайте ложных приговоров!" Она ничего не боялась, наоборот, стремилась активно включиться в жизнь.

В чём-то она была подчёркнуто откровенна: в неприятии репрессий, произвола, преступлений.

Она рассказывала отдельные эпизоды из тюремной, лагерной жизни, объясняя это (явления культа личности. - *Д.Р., М.Р.*) как произвол. "Мы сначала думали, что это фашистский переворот, подобный недавнему германскому. Но до конца (это говорилось в 1956-1957 гг.) не понял ещё никто". Может быть, она осторожничала и в разговоре со мной. "Во всяком случае, это - не ошибка, не частная ошибка. Здесь корни другие, более глубокие". Глобального анализа она не делала. Ну, правда, надо учесть, с кем и в какой обстановке она говорила.

Она пришла к нам уверенным в себе человеком, держалась и работала на равных, без всяких комплексов. Думаю, раньше она была более самоуверенной. Лагерь её не то чтобы пообломал - более демократизировал. Держалась она с большим чувством собственного достоинства, цену себе она знала. С другой стороны, все мы здесь, на Колыме, знали цену заключённым и их "преступлениям".

Конечно, ей хотелось уехать, она этого и не скрывала. Я робела перед авторитетом её знаний, чувствовала себя не то чтобы провинциалкой, но - менее опытной. Да и не только я, все мы признавали её лагерный и долагерный опыт.

Ребята ею восхищались. Со стороны родителей не было никаких писем, жалоб, недовольства.

Пожалуй, она не придерживалась особой, строгой методики, стихи читала как-то... порционно, но всегда вдохновенно, увлечённо. Упрекать её за это (за отход от методики. - *Д.Р., М.Р.*) не упрекали, она была из другого времени, да и не рассчитывала она на долгую, постоянную работу в школе, это мы понимали. Я бы сказала, для неё был установлен щадящий режим, да и не только для неё.

У нас был сильный коллектив. Директором школы была Вера Яковлевна Хотяева, она тоже литератор; литературу читала и Сурова Ада Александровна, миловидная женщина, она работала и завучем, окончила МГУ, муж её был полковник КГБ, он тоже окончил МГУ. И Вера Яковлевна, и Ада Александровна не уступали Евгении Семеновне, а в чём-то превосходили (в методике преподавания, например). Но, конечно, каждая выделялась чем-то своим. Евгения Семёновна - яркостью, темпераментом, Вера Яковлевна была строже, классичнее.

Да и другие преподаватели были яркими личностями. У нас работала прекрасная химик Руденко, жена известного учёного-химика, погибшего при взрыве лаборатории во время опытов; она приехала по совету секретаря Сталина после гибели мужа, продолжала его опыты; замечательный географ, любимец ребят Абрам Михайлович Бухин; прекрасный, опытный математик Рахиль Израйлевна Иофан; чета Лобахиных.

Но и среди этих учителей Евгения Семёновна всё же заметно выделялась".

А вот что вспоминает Мария Васильевна Устюжина, учитель физики, начинавшая свою работу в Магаданской средней школе № 1:

"В Магадан я приехала в 1947 году и три года проработала в первой школе, затем я на два года уезжала в Хабаровск и вернулась в 1952 году. Хорошо помню Евгению Семёновну. Помню, как она, придя в школу, организовала что-то вроде художественной самодеятельности или драмкружка... для учителей. Многие учителя там были. Классику ставили. Никогда не видела Евгению Семёновну чем-либо недовольной, запомнилась она весёлой, жизнерадостной, энергичной. Мы знали её историю, но о тюрьме, о лагерной жизни она никогда не рассказывала. Особо не откровенничала...

Внешне она ничем особенно не выделялась. Тогда все одевались скромно. Но знаниями - да, отличалась. Однако настоящих профессионалов и у нас было немало - Иофан Р.И., Бухин А.М., Павлова В.К. (она преподавала английский язык, вышла замуж за генерала Павлова - начальника Политуправления Дальстроя, скромный, образованный, мягкий по характеру человек). Булимова Катя работала, молодой историк. Орехов Саша вёл уроки физкультуры, он позднее стал заведующим ОблОНО.

Отношение к ней было нормальным. Вообще-то, видимо, в школе практиковалось - брать учителей из числа репрессированных. До моего прихода в школу на моём месте работал физик. Я фамилии, имени и отчества его не помню, о нём узнала косвенно, от ребят. Он тоже из репрессированных. Ребята рассказывали, что с приехавшими американцами (в 1942 году? - *Д.Р., М.Р.*) он говорил по-английски. Хороший учитель был, ребята любили физику, мне легко было работать.

И ученики к Евгении Семёновне относились хорошо. Правда, я не знаю, известна ли им была её история. Сама-то она вряд ли кому о себе рассказывала, тем более ученикам. Впрочем, в школе училось много детей заключённых. На эти темы дети иногда говорили, но редко, наедине и наивно. В основном старались вида не показывать. Никто не выделялся, не подчёркивал своего трудного семейного положения или каких-то преимуществ. Правда, дети магаданских чиновников в основном были собраны в 1954 г. в одном 10 классе.

К детям репрессированных в школе относились сочувственно. Помню, однажды вручали медаль одному школьнику. Он смущённо принял её и сказал: "Вероятно, так надо ...", хотя и понимал, что учился хуже одноклассников - детей репрессированных. А те не конфликтовали ... Хотя оставалось, конечно, чувство обиды, досады, а у учителей - сознание вины.

На Колыме многие знали и понимали больше, чем на "материке".

Таким образом, отношение к Евгении Семёновне и со стороны учителей, и со стороны ребят складывалось скорее сочувственное, чем неприязненно-настороженное. Примерно таким же - более уважительным, более сознательным, чем восхищённым, эмоциональным, складывалось оно у взрослых учеников вечерней и заочной школы и у учителей-коллег.

Обратим внимание и на то, что В.Е. Гоголева и М.В. Устюжина не случайно подчёркивают, как много в школе работало ярких, нестандартных учителей с непростой судьбой. В пятидесятые годы - это подтвердят многие её выпускники - первая школа была гордостью не только Магадана, но и Колымы и Чукотки. Однако в "Крутом маршруте" Гинзбург обошла молчанием учителей-коллег, хотя в целом провела в её стенах четыре года; о некоторых отозвалась даже иронически.

Конечно, мемуаристка имела право на своё мнение, но и читатель, особенно магаданский, вправе не согласиться с автором воспоминаний.

Чем же объясняется это молчание, ирония, порой явный сарказм? Прежде всего рамками избранного жанра. Она писала свой "Крутой маршрут", биографическую хронику. Книга и так переполнена множеством эпизодических персонажей, достаточно велика по объёму

Однако главная причина заключается в ином - в художественной концепции автора. По замыслу автора, судьба героини тесно связана с историей страны, с судьбой её народа. Истории людей, у которых так по-разному сложились судьбы, обусловленные общественными процессами 30-х - 50-х годов, людей, прошедших тюрьмы, лагеря, ссылку; множество внесюжетных сцен, эпизодов входят составной частью в книгу, превращая её в "хронику времён культа личности". Лирическое начало и эпическое начало на равных присутствуют в книге, сочетаются в ней.

Сцены, связанные с общением с вольнонаёмными жителями Магадана в конце 40-х - начале 50-х годов, входили в замысел книги, соответствовали художественной концепции автора, были обусловлены ею. *Не ведали и не ведают, что творят*, - вот какое, думается, объяснение всему происшедшему нашла Евгения Семёновна Гинзбург, когда вела речь о большинстве рядовых героев своего произведения. Не понимали и не хотели понимать все последствия своей деятельности и те, кто оказался жертвами преследования, и те, кто эти репрессии творил, им содействовал, а впоследствии сам оказался их жертвой.

Третья часть "Крутого маршрута" посвящена тем вольным жителям Магадана, в ком десятилетия нарушения законности в эпоху культа личности, по мнению автора, не могли не воспитать чувства страха, отсутствия способности к самостоятельному мышлению, позорного благоразумия, требующего не поддерживать контактов, сторониться заключённых и ссыльных, видеть в них преступников.

Сформированные в это страшное время люди стали старательными, добросовестными работниками, исполнительными, но ограниченными обывателями, "винтиками" громадного государственного механизма, "деревенскими Ванятками". Такими их сформировали социальные условия. Ответственность за это лежит прежде всего на инициаторах этого социально-политического перерождения народных масс. Свою долю ответственности несут те, кто ревностно поддерживал и оправдывал политику верхов. Свою вину и ответственность видит и Евгения Гинзбург.

Если в первой и второй части книги отношение автора к героям формируется в зависимости от того, какое положение они занимают, - находятся ли они на воле и управляют судьбами людей или они оказываются в тюрьме, в лагере (к первым автор относится с ненавистью и презрением, ко вторым - с сочувствием и пониманием), то в третьей части в изображении персонажей начинают преобладать неприязненно-настороженные тона (например, при изображении учеников), иронические, даже сатирические краски (в характеристике, например, учителей-коллег, вольнонаёмных, даже охранников).

Вот почему автор рисует большую часть персонажей из третьей части зло, хотя и несправедливо. Среди них мы видим образ "нарядной дамы с державным бюстом" (663) из отдела кадров ГорОНО, "призванной вылавливать какую-нибудь двоюродную бабушку или жену деверя с нерусской фамилией" (663). Но изменилась политическая обстановка в стране, и человек оказался в смятении: "Но она просто не могла с собой справиться. Годами выработанные условные рефлексy валили её с ног. Она была сейчас (оформляя ссыльную на работу в школу. - Д.Р., М.Р.) точно борзая, которую почему-то заставляют отпускать пойманную дичь" (664).

Вот почему, вспоминая своих взрослых учеников, Евгения Семёновна объясняет "напряжённую атмосферу" (668) "напластованиями жестокого взрослого опыта", ставит перед собой задачу и надеется "их понять, прорваться сквозь броню их обросших мясом сердец к самой сердцевине, где, возможно, что-то и тайлось" (669).

В 1949 г. полковник Цирульницкий помог Евгении Семёновне: "Выпустил из тюрьмы. (Другие в ожидании оформления вечной ссылки присидели не месяц, как я, а все пять-шесть месяцев). Помог восстано-

виться на работе при активном сопротивлении отдела кадров. Взятся хлопотать о перемене места ссылки и отсрочил этап. А теперь вот Тоня..." (606), потому что сам находился в душевных метаниях, "не находя объяснений чинимой над ним "несправедливости", и, может быть, впервые задумался о судьбе других людей. Я просто попалась ему под руку во время его великого смятения чувств" (606). Броню пробила драма его собственной судьбы. Но тогда это было исключением.

"Год пятьдесят четвёртый ... Нервозность начальства ощущалась на каждом шагу. Те, кто поумнее, осознали, что новое время - новые песни. Они стали подчёркнуто вежливы и предупредительны с нами ... Но многие из них - те, кто был безысходно, величаво глуп - продолжали цепляться за привычное, механическое, злобное" (675). К первым относится молодой человек по имени "Андрей Иванович", встретивший Евгению Семёновну в отделе кадров ГорОНО; ко вторым - бухгалтер из ГорОНО. Общим для них является "обросшее мясом сердце", а различаются они степенью приспособленчества к новым обстоятельствам.

Отбор героев для утверждения своей художественной концепции, субъективная их оценка (ведь мы уже знаем, как на самом деле относились ученики и учителя к Евгении Семёновне, знаем, что не в первый раз приходилось отделу кадров оформлять на работу в школу бывших лагерников), соответствующее их изображение - всё должно работать на замысел книги в целом, третьей части её в частности.

Приходится признать, что и здесь художественное начало вступает в противоречие с документальным, субъективные оценки противоречат многочисленным свидетельствам, объективной действительности. Умолчание об учителях первой магаданской школы или пренебрежительно-ироническое их изображение можно объяснить лишь тем, что они не вписывались в её художественную концепцию. Возможно, некоторые из них тоже были "навекки ушиблены СТРАХОМ" (682) (их всех формировало общее время, одна страна), но далеко не все, и не "навекки", и вовсе не страх был доминирующим их настроением.

Иногда нравственное чутьё изменяет автору. Подчас Гинзбург делает не вполне удачный выбор героя, через призму которого пытается представить общественную атмосферу, тот спектр настроений, который сложился, например, в Магадане в 1947-1948 гг. в связи с денежной реформой.

Гинзбург пишет: "Бешеный заряд злобы несли на этот раз не столько заключённые и бывшие зэка, сколько вольные. Денежная реформа конца 1947 года, пожалуй, большее, чем по жителям любого другого угла страны, ударила по ним, по колымским конкистадорам, по здешним простым советским миллионерам. В верхней прослойке договорников отряды этих социалистических миллионеров были уже значительны.

Но даже и средние вольняшки, прожившие на Колыме несколько лет, насчитывали на своих сберкнижках сотни и сотни тысяч.

Все эти люди, привыкшие ощущать себя любимыми детьми советской власти, были оглушены обрушившимся на них ударом" (540).

В качестве примера, дающего представление о настроениях колымчан, Гинзбург приводит эпизод с озлобленным "командиром тасканского взвода охраны": "Справедливость называется! Семь годов мантулил как проклятый! Жизнь рисковал ... Каких зубров охранял! Баба моя ребят бросила на благо святых, сама на работу бежала, проценты эти выбивала. А сейчас ..." (540).

Реформа разрушила все планы на отдых, на материальное благополучие, на компенсацию нелёгкой жизни на Севере.

В реакции автора чувствуется совершенно определённое злорадство, ехидство. Однако вряд ли это оправданно.

Да, этот самый командир взвода охраны командовал конвоирами, погоняющими заключённых, среди которых ещё не так давно находилась и сама Гинзбург. Но ведь среди лагерников были не только невинно репрессированные политические заключённые, но и отчаянные уголовники, которых и сама героиня навидалась досыта и которые, будучи изолированными, требовали строгого присмотра и оставались опасны даже в лагерях. Морозы и ветры, зима в 8-9 месяцев, летняя мошка были суровы и к "зэк", и к "вохра", хотя, понятно, "вохра" эти суровые климатические условия переносила на сытый желудок да с целой тёплой одеждой и обувью (сапоги, валенки) несравненно легче.

Но ведь и "вохра" свой хлеб зарабатывала нелегко.

Да и среди конвоиров, охранников, надзирателей, даже следователей попадались разные люди, о чём рассказывает сама Гинзбург.

В этом злорадстве, да простит мне автор, угадывается взгляд недавнего зэка, видящего в любом охраннике прежде всего и только врага.

Однако в этом эпизоде речь шла не просто и не только об офицере-"вохровце", но и о вольных магаданцах и колымчанах в целом. Да, северяне получали зарплату более высокую, чем на "материке", но ведь им действительно не хватало солнечного тепла, фруктов и овощей, в отпуск они выезжали раз в три-пять лет, а если вспомнить, что в ходе войны и сразу после неё вообще мало кто выезжал, так как большинство жителей Магадана и Колымы отдавали деньги на оборонные нужды государства, вкладывали в облигации государственного займа, то мы поймём, почему у многих магаданцев массовые выезды в центральные районы страны оказались возможны лишь в конце 40-х - начале 50-х годов, то есть с родными многие вольные не виделись по 7 - 10 лет и более.

Наконец, вряд ли даже и на Колыме, пусть и среди "верхней про-

слойки", могли быть "значительные отряды советских миллионеров" к концу 1947 г. Средний "вольняшка" за несколько лет вряд ли мог собрать на сберкнижку "сотни и сотни тысяч": ведь ему надо было зарабатывать надбавки, содержать себя и семью по ценам, которые в конце 40-х годов было не сравнить с "материковскими".

Автор смотрит на бытовые нужды магаданцев как-то отчуждённо, со стороны, поверхностно; так смотрели и во многом продолжают смотреть и оценивать не такое уж великое благосостояние колымчан на "материке".

Но ведь не из одних же "вохровцев" состояло население Магадана и Колымы!.. Куда же делись гуманистические, демократические позиции автора? А если бы эта реформа коснулась её семьи, случилась бы в 1933-1935-1937 годах до ареста, удовлетворили бы Гинзбург рассуждения о необходимости заботиться прежде всего об интересах государства?

Однако этот эпизод знаменателен ещё и тем, что лагерное прошлое наложило - хотела этого автор или не хотела - свой отпечаток и на героиню-рассказчицу, воздвигло между нею, "магаданской колонией бывших заключённых" (566), с одной стороны, и вольнонаёмными магаданцами, с другой стороны, какую-то стену отчуждения, сформировало определённый, подчас предвзятый, пристрастный взгляд, а это отразилось на субъективных оценках и выводах третьей части.

В финале книги есть сцена: в ресторане, где сидит Гинзбург, только что получившая справку о реабилитации, она наблюдает, как к старику Мордвинову, бывшему лагернику, подходят девушка и парень и дарят цветы со словами благодарности и восхищения одному из героев. Старик отвечает:

"... мы жертвы. Жертвы, а не герои" (697).

С этой мыслью перекликается утверждение Шаламова: они были "мученики, не бывшие, не умевшие и не ставшие героями".

В эпилоге, который был написан Е. Гинзбург в середине 60-х годов, автор вновь надеется на торжество справедливости и связывает свои надежды с восстановлением в партии её и её товарищей, XXII съездом КПСС, публикациями произведений на лагерную тему в "Новом мире". Чему же научил автора её "крутой маршрут"? Невольно (или сознательно?) Гинзбург выходит на прежние, исходные позиции.

Нельзя не увидеть, как бьется мысль автора в поисках ответа на вопросы общественности 50-х - 60-х гг.: кто виноват? Как и почему начались и продолжались репрессии? Где гарантии, что это не повторится? Но чёткого ответа на эти вопросы в книге нет и, видимо, не могло быть в то время.

Напряжённый поиск ответа делает честь автору, вызывает уваже-

214
Форма № 31

**Военная Коллегия
Верховного Суда
Союза ССР**

4 июля 1955 г.
№ 4П-07321/55
Москва, ул. Воровского, д. 13.

С П Р А В К А

Дело по обвинению ГИНЗБУРГ Евгении Соломоновны-пересмотрено Военной Коллегией Верховного Суда Союза ССР 25 июня 1955 года.

Приговор Военной Коллегии от 1 августа 1937 года, постановления Особого Собрания от 4 марта 1950 года и от 21 октября 1950 года в отношении ГИНЗБУРГ Е.С. по вновь открывшимся обстоятельствам отменены и дело в уголовном порядке прекращено за отсутствием состава преступления.

**ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ
ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР
КРАЙ-ИНЖЕНЕР ПРАВИДИ**

/А. ЧЕПЦОВ /

Москва 1955 г. Июль мес. 7 дня. Первал
Исполнитель Государственная нотариальная контора
подтверждает верность восточной ФОТО-копии.
Получено госуд. пошлины 9 руб. Рубли 1 в № 1859

Справка о реабилитации

ние к ней, а её жизнь, её трагедия рождает чувство сострадания. Но тот ответ, который она даёт, то, как отвечает Гинзбург, её субъективные оценки и выводы многое проясняют как в её характере, так и в эпохе, формирующей подобный тип конформиста.

**Е.С. Гинзбург в воспоминаниях современников.
"Крутой маршрут" в оценке литературной критики**

Сочетание документального и художественного начал в биографической хронике Гинзбург приводит к выводу, что особенности характера автора во многом определяют субъективную позицию героини-рассказчицы. Поэтому возникает необходимость познакомиться с личностью мемуаристки, с тем, какой она предстает в воспоминаниях современников.

Судьбе и личности Гинзбург посвящено не так уж много воспоминаний людей, близко знавших писательницу в последние годы её жизни. В основном эти воспоминания дружелюбные, сочувственные, восхищенные, уважительные. (Перечень их см. в списке литературы). Сре-

НК-2.

МВД РСФСР

228 экз. № 1

Управление Внутренних Дел

Исполнительного Комитета
Магаданского областного Совета
депутатов трудящихся

I-й спецотдел

30 июля 1937 г.

№ 8/29-763

гор. Магадан

СПРАВКА

Выдана гр-ке ГИНЗБУРГ Евгении Соломоновне, 1904 года рождения, уроженке г. Москвы в том, что с 21 октября 1949 года по 7 августа 1954 годов она находилась в ссылке на территории Магаданской области. -

Специальный отдел УВД Магаданского
обл. Совета депутатов трудящихся
№ 2

Миников

/МИНЯКОВ/

МВД СССР

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

№ АВ-261

30 мая 1954 г.

№ 266
гор. Магадан

229

СПРАВКА

Дана гражданину(ке) ГИНЗБУРГ Евгении Соломоновне
1904 года рождения, уроженцу(ке)
гор. Москвы

в том, что он (она), будучи осужденным (ой)
с 1 августа 1937 года, находился (лась) в местах
заключения МВД с «16» февраля 1937 года по «16»
февраля 1947 года, в том числе в районах Крайнего Севера с
«11» августа 1939 года по «16» февраля 1947 г.

Справка дана для представления в отдел кадров
по месту работы.

Начальник отдела Управления п-я АВ-261

Начальник отделения

АНСЕРОВ

УСТИМЕНКО

215-4003

ди них выделяются воспоминания Л. Копелева и Р. Орловой, отличающиеся тем, что авторы их смотрят на Е. С. Гинзбург как на равную, пережившую примерно то же, что и они.

Р. Орлова вспоминает: "У меня в дневнике записано: "По мировоззрению коммунистка, по мироощущению - нет" {18, 344}¹.

Восстановилась в КПСС. "Для Антона моё восстановление в партии было ударом" {18, 344}.

"С Павлом Васильевичем Аксёновым... вновь встретила в 1956 году в Казани.

- Как был ортодоксом, так и остался" {18, 344}. Последние слова принадлежат Гинзбург.

"Утрата "женских, расцветных годов", как она сама их называет, была, пожалуй, горше, чем утрата работы, чем утрата самой свободы" {18, 345}.

"Противоречия, раздор, раскол между писателем и человеком - один из источников драматизма последних лет жизни Е. Гинзбург" {18, 346}. Одна из причин - возраст, другая - будни, суета, "стремление к радостям - такое неутолённое" {18, 346}. "Она не была самозабвенным служителем Слова" {18, 346} - могла отвлекаться от работы. В то же время "память и долг властно возвращали её к старой, пишущей машинке без футляра ... не вступила ни в Союз писателей, ни в группком при издательстве" {18, 346}, но "прикрепилась к партийной группе при домоуправлении. Платила членские взносы... Исправно ходила на собрания" {18, 351}.

"Она привыкла быть первой ... везде естественно становилась центром, средоточием любого общества ... хороша собой, общительна, остроумна ... необычайная память, увлекательно и артистично рассказывала ... отлично знала это ... Но в их обществе (среди новых друзей и знакомых. - Д.Р., М.Р.) ей приходилось как бы каждый раз заново утверждаться" {18, 353}.

Она стремилась к "целомудренной чистоте языка" {18, 368}, считала невозможным использовать блатной жаргон в литературной речи. Л. Копелев пишет: "В её прозе глубоко трагедийное художественное повествование брезгливо обтекает грязные потоки, зато иногда оно вспенивается такой старосветской патетикой и сентиментальностью, которые напоминают не только о стиле великих авторов прошлого - русских и зарубежных, но родственны и вторичной беллетристике начала века" {18, 370}.

В предисловии к московскому изданию "Крутого маршрута" приводятся слова А. Рыбакова:

¹ Здесь и далее в фигурных скобках после цитат первая цифра указывает номер источника, вторая - номер страницы по изданию: Орлова Р., Копелев Л. Евгения Гинзбург в конце крутого маршрута // Орлова Р., Копелев Л. Мы жили в Москве: 1956-1980. М.: Книга, 1990, с. 344.

"Эту книгу написал свидетель честный и беспощадный" {19};

В. Быкова: "... при чтении этих строк не возникает и тени сомнения в их искренности и достоверности - правда встает из каждого слова во всей наготе и неотвратимости" {20}.

В магаданском издании книги, в авторском предисловии, пропущены слова: "Я старалась всё запомнить в надежде рассказать настоящим коммунистам" (вместо последних появилось: "...хорошим людям"); пропущен предпоследний абзац: "Как хорошо, что я ошиблась! В нашей партии, в нашей стране снова царит великая ленинская правда". И после последнего напечатанного абзаца у Гинзбург стояло (а в магаданском издании стыдливо пропущено): "И вот они - воспоминания рядовой коммунистки".

В. Турбин в рецензии на "Крутой маршрут" называет книгу "драгоценнейшим документом для анализа inferнальной эстетики культа личности. А специфика очевидна: это - воспоминания женщины" {21}. Он сопоставляет путь Гинзбург с маршрутом некрасовских жен декабристов, отмечая, что страдания их несопоставимы; странствия автора - с сошествием в ад, с хождением Богородицы по мукам, а повествование - с библейскими текстами.

И. Гофф в своих воспоминаниях "На белом фоне", в главе "В конце маршрута", посвящённой Е. Гинзбург, приводит самую краткую рецензию, отмеченную самой Евгенией Семёновой: "Человек ищет и находит человека в нечеловеческих условиях" {22}.

С. Сивоконь в упомянутом очерке "Скромная знаменитость" пишет: это - лучшая книга среди подобных. "Какой широкий круг наблюдений ... сколько арестантских типов представлено ... коммунисты с разными вариантами грозной 58-й статьи; эсерки; коминтерновки; бывшие пленные; "православные христиане"; раскулаченные; высланные прибалты; разного рода националисты; немцы Поволжья; вчерашние энкавэдэшники, сами угодившие за решётку или за колючую проволоку; бывшие работники КВЖД, по возвращении в СССР обвинённые в шпионаже ... Наконец, разнообразные типы "блатных" - от элементарных воров и растратчиков до матёрых убийц-рецидивистов.

И каждый из них подан как реальный живой человек с неповторимой судьбой" {23}.

В то же время С. Сивоконь сомневается в абсолютной достоверности повествования: "сдаётся, что "Крутой маршрут" построен и по законам мемуаристики и по законам романистики сразу. Будь это не так, пожалуй, пришлось бы признать, что в книге Е. Гинзбург реализуется слишком много случайностей, притом в самый нужный момент, как бывает в романах" {24}.

"Конфликт в Известковой - самый жуткий эпизод в последнем круге колымского ада, это высшая точка сюжета, его кульминация" {25}.

Наконец, следует отметить сходство в названиях целого ряда произведений на лагерную тему: "Крутой маршрут", "В круге первом", "Погружение во тьму". Это сближение с "Божественной комедией" Данте, с библейскими и античными мифами о сошествии в ад не случайно. Страдания людей, оказавшихся в тюрьмах, лагерях, ссылке, сопоставлены авторами с самыми мрачными представлениями, которые могут ожидать человека, с той разницей, что здесь описаны муки невинно осуждённых. Если же сопоставлять названия произведений на лагерную тему и их содержание, авторские позиции, можно сделать вывод, что путь авторы и их герои прошли общий, а вышли из него разными людьми, с разными, порой противоположными взглядами.

Примечания

1. *Сивоконь С.* Скромная знаменитость: о Е. Гинзбург и её жизни // *Семья и школа*, 1991, № 3, с. 48.
2. Там же // № 4, с. 51.
3. Там же.
4. Толковый словарь русского языка. В 4-х т. М.: АН СССР; Институт русского языка; Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1959, с. 481.
5. *Семенов Ю.* Ненаписанные романы. М.: 1990, с. 188.
6. *Лесняк Б.* Евгения Семёновна Гинзбург (Из книги "Неоконченные споры") // *Северная правда*, № 2 (7379), 1994, 14 января, с. 5.
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же.
10. Там же, № 4 (7381), 1994, 28 января, с. 8.
11. Там же, № 2 (7979), 1994, 14 января, с. 5.
12. Там же, № 2 (7379), 1994, 14 января, с. 5.
13. *Савоева Н.* Я выбрала Колыму: Архивы памяти. Выпуск 1. Магадан: АО "МАОБТИ", 1996, с. 30.
14. Там же.
15. Там же.
16. *Лесняк Б.* Указ. соч., № 2 (7379), 1994, 14 января, с. 5.
17. Там же.
18. *Орлова Р., Копелев Л.* Евгения Гинзбург в конце крутого маршрута // *Орлова Р., Копелев Л.* Мы жили в Москве: 1956 -1980. М.: Книга, 1990, с. 344.
19. *Гинзбург Е.* Крутой маршрут. М.: Книга, 1991, с. 5.
20. Там же, с. 6.
21. *Турбин В.* Долюшка женская // *Знамя*, 1990, № 4, с. 226.

22. *Гофф И.* На белом фоне // Октябрь, 1989, № 10, с. 161.
23. *Сивоконь С.* Скромная знаменитость // Семья и школа, 1991, № 4, с. 52.
24. Там же, с. 53.
25. Там же.

ЛИТЕРАТУРА

В списке литературы указаны источники, не названные в примечаниях.

1. *Гинзбург Е.* Крутой маршрут: хроника времён культа личности. Магадан, 1992.
2. *Гинзбург Е.* Крутой маршрут: хроника времён культа личности. М.: Книга, 1991.
3. *Гинзбург Е.* Крутой маршрут: главы из автобиографического повествования / Предисл. В. Першина "Ещё одна правда" // На Севере Дальнем, 1990, с. 154 - 239.
4. *Гинзбург Е.* Здесь жили дети / Вступ. ст. П. Мясниковой // Доднесь тяготее: Вып.1: Записки вашей современницы. М.: Советский писатель, 1989, с. 326 - 334.
5. *Волков О., Урнов Д.* О пережитом, дозволенном и недозволенном // Вопросы литературы, 1990, № 3, с. 54-73.
6. *Морозова Н.* Свидетель // Горизонт, 1989, № 1, с. 47 - 64. (Та же статья того же автора помещена в качестве послесловия в магаданском издании "Крутого маршрута").
7. *Райзман М.* Новые архивные материалы к изучению биографии Е. Гинзбург // Материалы научно-практической конференции "Диалог культур. История развития литературы Крайнего Севера России". Магадан: МО ИПК ПК, МПУ, 1995. С. 49-56.
8. *Райзман М.* Лагерная судьба советской элиты (по материалам книги Е. С. Гинзбург "Крутой маршрут") // Материалы научно-практической конференции "Колыма. Дальстрой. ГУЛАГ. Скорбь и судьбы". Магадан: СМУ, 1998. С. 76-79.

СОДЕРЖАНИЕ

О книге и авторах. <i>И. Паникаров</i>	3
Биографические сведения	5
«КРУТОЙ МАРШРУТ». Творческая история «Крутого маршрута: хроники времен культа личности»	17
Первые публикации	18
Идейный замысел. Основные проблемы	18
Особенности композиции и ее задачи	27
Тематика «Крутого маршрута»	30
Типы героев и приемы их характеристики	31
Двойная функция автора	32
Особенности авторской позиции	32
Е. С. Гинзбург в воспоминаниях современников. «Крутой маршрут» в оценке литературной критики	59
Литература	64

Книги, издаваемые Ягоднинским обществом «ПОИСК НЕЗАКОННО РЕПРЕССИРОВАННЫХ», распространяются бесплатно через областную библиотеку им. Пушкина (г. Магадан) во все районные библиотеки в количестве, необходимом для передачи в поселковые библиотеки районов; через отделы образования в школы Ягоднинского района и частично (пока) Сусуманского и Тенькинского районов.

От 50 до 70 экземпляров отправляется в региональные отделения Международного общества «Мемориал», с которыми общество «ПНР» поддерживает связь, а также в Русский Фонд А. Солженицына (Москва), музей и общественный центр «Мир, прогресс, права человека» им. А. Сахарова (Москва), Международную ассоциацию «Открытый музей» (Красноярск), Мемориальный музей истории политических репрессий и тоталитаризма «Пермь-36» (Пермь).

Кроме того, по экземпляру каждой книги получают администрация Магаданской области, писатели и историки, занимающиеся историей колымского ГУЛАГа.

Бесплатно книги вручаются гостям Ягодного, посетившим музей Памяти жертв политических репрессий.

От 50 до 80 экземпляров (по договоренности) получает автор.

Не менее 50 экземпляров каждой книги остается в архиве Ягоднинского общества «Поиск незаконно репрессированных».

Д. Райзман, М. Райзман

ЕВГЕНИЯ ГИНЗБУРГ И ЕЕ «КРУТОЙ МАРШРУТ»

АРХИВЫ ПАМЯТИ

Выпуск 11

Ответственные за выпуск Д. Райзман, М. Райзман

Корректор Л. В. Иванова

Верстка В. Н. Бобылевой

Подписано к печати 13.05.2002.

Форма 60x84/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 3,95. Тираж 500 экз. Заказ 625.

ОАО «МАОБТИ». 685000, г. Магадан, пл. Горького, 9.

